

Х. Фаускангер. Адуунаик - родной язык Нуменора (перевод Романа Ухова (Drauger)). 3

Т. Шиппи. Дорога в Средьземелье (перевод Марии Каменкович) 16

Н. Семёнова. Что ловит Эомер? 33

На последней странице - рисунок Моргул к статье “Что ловит Эомер?”

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 28 2001

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Флорин Эйкинсьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

Copyright©2001, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Варианты написания: Адунаик в "Отчете Лаудхэма" (Lowdham's Report), Adúnaic в приложениях к LotR

Другие названия: Нуменорский (Númenórean)

Примечание: символом * обозначены реконструированные слова.

Внутренняя история

Когда Люди проснулись в Хилдориене (Hildórien) при первом восходе солнца, они начали создавать свой язык, как это сделали Эльфы у Куивизнен за тысячелетия до этого. Но, как нам известно, Люди никогда не могли творить как Перворожденные: *"В нас проснулась страсть к словам, и мы начали создавать их. Но нас было мало, а мир был большим и незнакомым. Хотя мы очень хотели понимать, учиться было трудно, и создание слов шло медленно"* (MR:345). Если даже и существовал абсолютно уникальный язык Смертных Людей, он был уже сильно разбавлен, когда их первые представители появились в Белерианде. Фелагунду не потребовалось много времени, чтобы понять язык Беора и его народа, ибо *"эти Люди долго общались с Темными Эльфами к востоку от гор и приняли многое из их речи, а, поскольку все языки Квенди были одного происхождения, язык Беора и его народа походил на Эльфийский во многих словах и конструкциях"* (Silm.17). Кроме того, ясно, что Люди имели контакты с Гномами и многое заимствовали из Кхуздула, языка, созданного Ауле для своих детей. В РМ:317 Толкин упоминает о *"теориш, согласно которой в неопisanном прошлом некоторые языки Людей, включая язык основной части Атани, от которого произошел Адуунаик, испытали влияние Кхуздула"*. Мы не располагаем достаточным количеством материала, чтобы выделить из этой смеси чисто Людские элементы.

В Белерианде Люди активно изучали Синдарин, *"но их собственная речь не была забыта, и от нее произошел язык Нуменора"* (Silm.17). Первая эпоха завершилась Войной Гнева. Валар в конце концов обрушили свою катастрофическую мощь на Средиземье и победили Моргота, но Белерианд был сильно разрушен и опустился под воду. Люди получили щедрую награду за свои страдания в войнах с Морготом. (Между прочим, как мог кто-либо пережить гибель Белерианда? Профессор ни разу не побеспокоился объяснить это. Неужели Моргот не заподозрил бы неладное, если бы его враги вдруг начали эвакуировать целый континент? Ладно, неважно...) Валар подняли из океана огромный остров, ближе к Валинору, чем к Средиземью. Эдайн пересекли море и

нашли там свой новый дом. Вedomые Элросом, сыном Эарендила (Eärendil), они основали королевство Нуменор (Númenor). Оно просуществовало 3287 лет до того ужасного дня, когда Ар-Фаразон (Ar-Pharazôn) нарушил Запрет Валар и отплыл на запад, чтобы завоевать Благословенное Королевство.

Какой была языковая ситуация в Земле Звезды? Названия на карте Нуменора в UT:164 приведены на Квенья. Однако, та же книга говорит нам, что Квенья не был разговорным языком в Нуменоре. Все объекты имели "официальные" названия на Высоком Эльфийском, которые использовались в государственных документах, но в повседневной речи вместо них использовались названия на Синдарине или Адуунаике, обычно того же значения. Синдарин, язык Сумеречных Эльфов, был знаком большинству людей, Нуменорская знать даже использовала его в качестве повседневной речи. Но родным языком, на котором говорило большинство людей, был Адуунаик (Adûnaic) - язык, произошедший от языков Людей, которые сражались вместе с Эльфами против Моргота.

В Анадунэ (Anadûnê), как назывался Нуменор на Адуунаике, этот язык за три тысячи лет существования королевства испытал определенные изменения. Некоторые звуки исчезли, другие слились, поэтому некоторые согласные были потеряны. С другой стороны, появились новые гласные. Первоначально в Адуунаике были только основные гласные a, i и u, но позже дифтонги ai и au упростились в долгие ê и ô. Помимо фонологических изменений происходил определенный приток заимствованных Эльфийских слов. Например, Квеньяское lômë (ночь) вошло в Адуунаик как lômi. Интересно, что слово сохранило свой Валинорский смысл: lômi - это прекрасная ночь под звездами, и тьма здесь не воспринимается как нечто мрачное и печальное. Мы также можем распознать другие Эльфийские имена, главным образом, имена Валар: Amân (Манве - Manwë), Avradî (Варда - Varda), Mulkhêr (Мелькор - Melkor). Однако, некоторые слова, выглядящие как заимствования из Квенья, на самом деле таковыми не являются. Хотя слово "небо" выглядит как menel в Квенья и minal в Адуунаике, последнее предки Эдайн должны были заимствовать из Аварины задолго до того, как Люди пришли в Белерианд. Оно похоже на Квеньяское слово просто потому, что языки Высоких и Темных Эльфов в конечном счете являются потомками одного праязыка. В действительности, среди слов Адуунаика, упоминаемых в "Отчете Лаудхэма" (Lowdham's Report), довольно много очевидных Эльфийских заимствований, ранних и поздних:

adûn - запад, (SD:247), в Синдарине dûn (LR:376).

ammî, ammê - мать (SD:434), в Квенья ammë (LR:348). Вероятно, позднее заимствование из Квенья.

attû, attô - отец (SD:434), в Квенья atar, уменьшительное atto (LR:349).

azta - море (SD:429), очевидно, от основы AYAR, в Квенья ëar (LR:349).

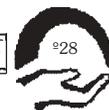
bâ - запрет (SD:250). В Протоэльфийском *BA (нет!), в Квенья vá, в Телерине bá ("я не буду" или "не делай"), в Синдарине baw! ("Нет! Не делай!") (WJ:370-371).

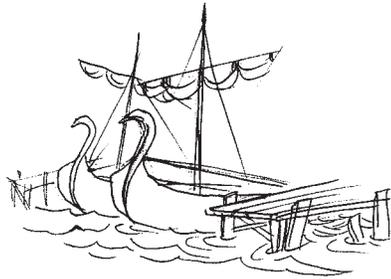
bêth - выражение, высказывание, слово (SD:427). В Синдарине peth (ленитированное beth) - "слово". Поскольку bêth происходит от основы BITH (SD:416), оно, вероятно, было заимствовано предками Эдайн из какого-либо языка Авари, в котором Протоэльфийское *KWET (говорить) приняло такой вид. (Мы знаем, что был, по крайней мере, один язык Авари, в котором Протоэльфийское *kw превратилось в p, поэтому вполне правдоподобно, что мог существовать диалект, в котором это p стало звонким b.) Ср. также с более поздним Вестронским batta (говорящий).

khôr - повелитель, владыка, господин (как в Adûnakhôr - Повелитель Запада), от Эльфийской основы KHER - править, управлять, властвовать (LR:364), в Квенья hegu - владыка, господин.

lâi - народ, в Квенья lië (SD:435), очевидно, lai в одном из диалектов Авари (WJ:410).

lôkhî - изогнутый, искривленный, искаженный (SD:247), от Элдаринской основы lok- (изгиб,

петля - Приложение к Silm.).

parû - человек (SD:434), от Эльфийской основы NERE (WJ:393, хотя, согласно "Этимологиям", Протоэльфийская основа выглядела как DER с особой Квенийской формой NĒR - см. LR:354, 376).

Можно привести еще примеры. Все они придают вес словам Фарамира, не попавшим в опубликованный LotR, о том, что *"все языки Людей в этом мире - Эльфийские по происхождению"* (WR:159/PM:63). В случае с Адуунаиком мы должны, однако, принимать во внимание не менее

сильное влияние языка Гномов. Но, несмотря на все это, Адуунаик считался Человеческим языком. Он был языком простого народа и не почитался так же высоко, как Эльфийский. Мы можем сравнить это с ситуацией в средневековой Европе: народные языки стояли гораздо ниже латинского, независимо от того, как немного людей в действительности знало его. В "Акаллабет" (Akallabêth) говорится, что *"помимо своих собственных имен [на Адуунаике] все правители Нуменора также имели Элдаринские имена"*, а у первых пятнадцати королей были только Квенийские имена. Известно, что Алдарин (Aldarion), шестой король, предпочитал Адуунаик Элдарину, но сам факт, что об этом упоминалось, говорит о том, что это было необычно. Звезда Адуунаика все же возшла, но только потому, что все Эльфийское попало в немилость.

Во время правления Тар-Кириатана (Tar-Ciryatan) и его наследника Тар-Атанамира (Tar-Atanamir) нуменорцы стали завидовать бессмертию Эльфов. Дружба между Валинором и Нуменором остыла, и, хотя Эльфийские языки прежде были в большом почете, нуменорцы перестали учить им своих детей во время правления Тар-Анкалимона (Tar-Ancalemon). Короли продолжали использовать Квенийские имена, но только потому, что этого требовала тысячелетняя традиция. Известно, что шестнадцатый король имел имена и на Высоком Эльфийском, и на Адуунаике: Тар-Калмакил (Tar-Calmacil) и Ар-Белзагар (Ar-Belzagar) соответственно - и "люди короля", враждебные ко всему Эльфийскому, использовали последнее. Но только двадцатый монарх вошел на трон под именем на Адуунаике: Ар-Адунакор (Adúnakhôr) - Повелитель Запада. Друзья Эльфов были не слишком довольны, даже когда он перевел его на Квенья и записал в официальном Списке Королей имя Тар-Херунумен (Tar-Herunúmen), поскольку только Манве мог зваться Повелителем Запада. Два наследника Адунакора последовали его примеру и использовали имена на Адуунаике. Однако, двадцать четвертый король, Ар-Инзиладун, решил восстановить дружбу с Эльфами и Валар и принял Квенийское имя Палантир (Palantir) - Прозорливый, Дальновидный. Он был последним, кто отверг Адуунаик. У него не было сыновей, и его дочь Мириэль (Míriel) должна была стать правящей королевой. Однако, ее кузен Фаразон (Pharazôn) насильно взял ее в жены и стал королем. Он не мог оставить ей Квенийское имя Мириэль и перекрестил ее в Зимрафель (Zimraphel) на Адуунаике (снова без ее согласия, как можно догадаться). Ар-Фаразон бросил вызов Саурону в Средиземье, и злой Майя прибыл в Нуменор, притворившись сдавшимся. Хорошо известно, что благодаря своей хитрости он вскоре стал главным советником короля, а позднее - высшим жрецом учрежденного им культа Моргота. Если Эльфийские языки были не слишком почитаемы до появления на острове Саурона, то после этого стало еще хуже. Главной целью Саурона было соблазнить короля на вторжение в Аман и таким образом спровоцировать войну между нуменорцами и Валар с хорошо известным ему финалом. В конечном счете, он добился своего, и, как он и предвидел, это был конец Нуменора. Это также означало конец классического Адуунаика. Большинство из немногих нуменорцев, переживших катастрофу, были Друзьями Эльфов, ведомыми Элендиллом, Анарионом

и Исилдуром (Elendil, Anárion и Isildur). Согласно РМ:315, Средиземье не услышало Адуунаик: выжившие говорили на Синдарине и не испытывали особой любви к речи мятежных королей, пытавшихся запретить Эльфийские языки. Нелюбимый язык превратился в Вестрон, Всеобщий язык последующих эпох. Нам не известно, пытались ли Черные Нуменорцы, появившиеся в Средиземье до катастрофы и в конечном итоге вошедшие в силу среди Харадрим, сохранить более чистую форму Адуунаика, хотя бы в своей среде в качестве языка знати или науки.

Внешняя история

Толкин разработал Адуунаик вскоре после Второй мировой войны. Он должен был иметь "едва заметный семитский аромат" (SD:240). Этот новый язык вырос из его работы над так называемыми "Записками воображаемого клуба" ("Notion Club Papers") и пересмотра легенды о Нуменоре. Один из членов этого придуманного клуба, прообразом которого послужил кружок Инклинггов, предположительно изучил Адуунаик в видениях о далеком прошлом. Он даже написал доклад об этом, "Отчет Лаудхэма о языке Адуунаик" ("Lowdham's Report on the Adûnaic Language"), опубликованный Кристофером Толкином в SD:413-440. Тот факт, что Толкин не завершил "Отчет Лаудхэма", - он прерывается, не достигая главы о глаголе, - и больше не работал над Адуунаиком, может, как это ни странно, быть полезным для нас. Кристофер пишет: "если бы он вернулся к разработке Адуунаика, 'Отчет Лаудхэма', который мы имеем, несомненно, был бы обращен в развалины, поскольку новые концепции вызвали бы сдвиги и перевороты в структуре. Более чем вероятно, что он начал бы снова, совершенствуя историческую фонологию - и, может быть, опять не дошел бы до глагола... 'Незавершенность' и непрерывные изменения, часто расстраивающие тех, кто изучает эти языки, присущи этому искусству. Но в случае с Адуунаиком все сложилось так, что была достигнута определенная, хотя и незавершенная, стабильность: мы имеем солидный доклад об одном из великих языков Арды" (SD:439-440).

Похоже, однако, что при написании приложений к LotR Толкин был близок к тому, чтобы отвергнуть саму идею существования особого Нуменорского языка, несмотря на всю проведенную менее чем за десять лет до этого работу над Адуунаиком. Он обдумывал идею, согласно которой Эдайн отвергли свой Человеческий язык и приняли вместо него "Эльфийский Нолдорин" (то есть, Синдарин, РМ:63). Идея о том, что нуменорцы говорили на Эльфийском, является возрождением более ранней концепции: в LR:68 говорится, что Саурон, ненавидевший все Эльфийское, обучал нуменорцев их старому Человеческому языку, забытому ими. Напрашивается вывод, что нуменорцы говорили на Квенья (см. комментарий Кристофера Толкина в LR:75). Но Толкин несколько раз изменял свои взгляды. Последним является мнение, что Эдайн никогда не отвергали свой собственный язык. Будучи упомянутым в приложениях к LotR, Адуунаик стал неотъемлемой частью мифа.

Источники

Связные тексты на Адуунаике отсутствуют. За исключением отдельных слов, рассеянных в "Отчете Лаудхэма", большинство источников представляют собой обрывки фраз, приведенных в SD:247 с подстрочным переводом Лаудхэма, на котором основан и перевод, представленный здесь. (Согласно рассказу Толкина, Лаудхэм не знал значений нескольких слов, но их легко можно отыскать в других местах: Zigûgûn - это Чародей, то есть, Саурон, а Nimruzîr - перевод на Адуунаик Квеньяского имени Элендил. Кроме того, автором добавлены некоторые заглавные буквы, так

как Лаудхэм не знал, какие именно слова были именами и названиями.)

Kadó Zigûrun zabathân unakkha... - "И так / Чародей / смиренный / он пришел..."
 ...Ëruhînim dubdam Ugru-dalad... - "...Эрухини [Eruhîni - Дети Эру] / падали / под Тень..."
 ...Ar-Pharazônun azâggara Avalôiyada... - "...Ар-Фаразон / воевал / против Валар..."
 ...Bârim an-Adûn yurahtam dâira sâibêth-mâ Êruvô - "...Повелители Запада / раскололи / Землю / с согласия / Эру..."
 ...azrîya du-phursâ akhâsada - "...моря /чтобы хлынуть/ в разлом..."
 ...Anadûnê zirân hikallaba... - "...Нуменор / любимая / пала..."
 ...bawîba dulgî... - "...ветры [были] черные..." (букв. "ветры / черные")
 ...balik hazad an-Nimruzîr azûlada... - "...корабли / семь / Элендила / на восток..."
 Agannâlô burôda nênud... - "Смертоносная тень / тяжелая /на нас..."
 ...zâira nênud... - "...жажда / на нас..."
 ...adûn izîndi batân táidô ayadda: idô kâtha batîna lôkhî... - "...запад / прямой / путь / некогда / шел / теперь / все / пути / искривленные..."
 Êphalak idôn Yôzâyan - "Далекая / теперь / Земля Дара..."
 Êphal êphalak idôn hi-Akallabêth - "Очень далекая / теперь / Она-что-пала [Падшая]"

Известно также несколько восклицаний на Адуунаике, сделанных членами Воображаемого клуба:

Bâ kitabdahê! - "Не трогай меня!" (SD:250)

Narîka 'nBâri 'nAdûn yanâkxim - "Орлы Повелителей Запада приближаются" (SD:251)

Urid yakalubim! - "Горы наклоняются!" (SD:251)

Приведенные здесь переводы - это фразы, написанные рядом со словами на Адуунаике. Точно не сказано, что это - именно переводы, но сами исходные слова явно подтверждают это предположение.

Структура Адуунаика

Как отмечал Кристофер Толкин, его отец действительно написал солидную работу об Адуунаике ("Отчет Лаудхэма", SD:413-440). Эта ситуация уникальна для толкиновской лингвистики. Обычно нам приходится собирать информацию и анализировать примеры, рассеянные по огромному числу книг. На Адуунаике мы могли бы достаточно уверенно говорить, если бы известный нам лексикон не был так мал. Поскольку имеется сравнительно подробный доклад, для серьезного изучения Адуунаика лучше обратиться к SD. Здесь дается лишь краткий обзор основных моментов грамматики, а довольно подробное описание фонологии и ее развития опущено. Воспроизводить всю приведенную в "Отчете Лаудхэма" информацию нецелесообразно, поскольку легко доступна собственноручная работа Толкина. Так или иначе, сложные сведения относительно различных классов существительных и их склонения представлены здесь почти слово в слово. В случае с глаголом, нам придется положиться на собственный анализ, так как Толкин не дошел в своей работе до этой части речи. Также в "Отчете Лаудхэма" почти ничего не говорится о прилагательных. В основном он затрагивает фонологию и общую структуру языка, также в нем даются исчерпывающие сведения о склонении существительных.

Общая структура

Подобно семитским языкам нашего времени, в Адуунаике использовалась система триконсонантных основ, видимо, заимствованная из Кхуздула. (Некоторые основы состояли только из двух согласных.) Но, в отличие от Кхуздула, каждая основа была связана с определенным

гласным, который присутствовал во всех образованных от нее словах. Таким образом, слово KARAB, произведенное от основы K-R-B с "характеристическим гласным" а, имеет значение, совершенно отличное от значения слова KIRIB, образованного от другой основы K-R-B, отличающейся от первой только иным "характеристическим гласным" - i.

Обычно "характеристический гласный" (CV - "characteristic vowel") располагался между первым и вторым согласными основы. Таким образом, от основы G-M-L с CV i, означающей "звезда" или "звёзды", образуются слова gimli, gimlê, gimlu, gimlat, gimlî, gimlîya (SD:413), представляющие существительное "звезда" в различных падежах и числах. Но CV также может быть приставкой (IGMIL), суффиксом (GIMLI) или вообще отсутствовать в своей обычной позиции между первым и вторым согласными (-GMIL, с каким-либо другим гласным в приставке). Новые слова могут образовываться перемещением CV, например, gimli - это просто "звезда", igmil - "фигура в форме звезды" (SD:427). Но если бы CV исчез полностью, стало бы невозможно отличать слова с одинаковыми согласными в основе. Следовательно, мы имеем золотое правило: одним из гласных основы должен быть либо CV, либо один из обычных вариантов его перегласовки (варианты перегласовки описаны в SD:423).

Существительное

В Адуунаике, как и во многих современных языках, имеются существительные мужского, женского и среднего рода. Однако в Адуунаике есть еще так называемый "общий" род. В таких языках, как немецкий или скандинавские, чаще всего нет никакой связи между сущностью предмета и его родом. Действительно, немецкие Mann (мужчина), Frau (женщина), Haus (дом) - мужского, женского и среднего рода, соответственно, но такие слова, как Mädchen (девочка) и Weib (жена) - среднего, а не женского рода. С другой стороны, семантически нейтральное существительное Mensch (человеческое существо) - принадлежит к мужскому роду. В Адуунаике нет такого произвольного распределения родов. На самом деле Толкин/Лаудхэм сомневался, применимо ли вообще слово "род" к классам существительных в Адуунаике, поскольку они напрямую связаны с полом (SD:426) или, в случае со средним и общим родом, с его отсутствием. Существительные мужского рода (м.р.) связаны с существами мужского пола и их функциями (например, "отец"), аналогично существительные женского рода (ж.р.) связаны с существами женского пола, а существительные среднего рода (ср.р.) - с неодушевленными объектами, за исключением персонифицированных. Например, ÿrê ("солнце" - ср.р.) превращается в Ûrî (ж.р.), если Солнце рассматривается как женское существо (это связано с эльфийским мифом о том, что Солнце - это последний плод Лаурелин, который носит по небу Майя Ариэн - женщина). К общему роду (о.р.) относятся существительные, которые невозможно охарактеризовать в отношении пола, как, например, слово anâ ("человеческое существо"), а также названия животных вообще: karab - "лошадь" - о.р., karbû - "жеребец" - м.р., karbî - "кобыла" - ж.р.

Существительные мужского рода часто оканчиваются на -k, -r, -n, -d (Gimilkhâd, Gimilzôr, Pharazôn), женского рода - на -th, -l, -s, -z (Inzilbêth, Zimraphel). Эти правила не абсолютны, особенно в отношении личных имен: Azrubêl, перевод на Адуунаик Квенийского Eärendil ("Любящий море"), - явно не женское имя. Формы существительных среднего и общего рода менее определены, но Толкин/Лаудхэм в SD:427 приводит несколько общих правил, в частности, о предпочтении гласных -a, -â в последнем слоге существительных о.р.

Более важным, чем деление по родам, является разделение существительных на сильные и слабые: *"сильные существительные образуют форму множественного числа и некоторые другие формы путем изменения последнего гласного основы, к слабым всегда добавляется окончание"* (SD:425).

Существительные в Адуунаике изменяются по трем числам: единственному (ед.ч.), двойственному (дв.ч.) и множественному (мн.ч.). Более того, в Адуунаике есть три формы,

которые можно назвать падежами: так называемая нормальная, субъектная (именительная) и объектная (косвенная) формы. Более подробная информация о различных классах существительных и их склонении приведена в SD:436-438.

Как понятно из названия, нормальная форма - это основная, неизменная форма существительного. Другими словами, существительное в нормальной форме ед.ч. морфологически не отмечено какими-либо аффиксами. Нормальная форма используется в тех случаях, когда грамматика Адуунаика не требует применения субъектной или объектной форм (см. ниже). Обычно это предложения, в которых рассматриваемое существительное является дополнением или сказуемым. Например, в предложении "Ar-Pharazōnun Bār" ("Король Фаразон - Повелитель") слово Bār (Повелитель) является сказуемым и стоит в нормальной форме. Возможно использование существительного в нормальной форме в качестве подлежащего, но в этом случае следующий за ним глагол должен иметь местоименный префикс.

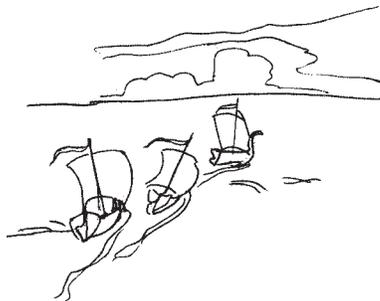
Двойственное число нормальной формы образуется при помощи окончания -at, то есть, дв.ч. от huzun ("ухо") будет huznat ("два уха"). Гласный в слог, предшествующем окончанию -at, может теряться, при этом образуется новое сочетание согласных, в данном случае - zn, но это зависит от того, к какому классу принадлежит существительное. Долгие гласные не теряются.

Множественное число нормальной формы образуется при помощи изменения гласного последнего слога на долгий î, то есть, мн.ч. от huzun - huzîn ("уши"). В некоторых классах существительных о добавляется к слову в качестве нового последнего слога, например, мн.ч. от batân ("дорога") будет batâni - но также и batîna. Отметьте различие между двойственным и множественным числами: можно подумать, что двойственное обозначает два предмета, а множественное - три и более, но все совсем не так просто. Двойственное число используется в случае наличия "естественных пар", как, например, huznat - "два уха" (пара ушей одного человека). Если мы отрежем одно ухо у Дика и положим его на стол вместе с ухом Тома, нумерорцы скажут, что на столе лежат huzîn, а не huznat, так как эти уши не являются естественной парой.

Субъектная форма используется, когда существительное является подлежащим (отсюда и название). Также она применяется, когда существительное присоединено к другому существительному, как в "Ar-Pharazōn kathuphazgânun" - Король Фаразон Завоеватель" (в отличие от именного предложения "Ar-Pharazōnun kathuphazgân" - "Король Фаразон - завоеватель" со сказуемым kathuphazgân в нормальной форме).

Субъектная форма может образовываться различными способами в зависимости от принадлежности существительного к определенному классу. В сильных существительных ср.р. подвергаются определенным изменениям гласные основы, например, zadân из zadan ("дом"), khibêl из khibil ("весна"), huzōn из huzun ("ухо"). (Эти формы в конечном счете являются результатами а-инфиксации, или, используя термин Лаудхэма, "а-укрепления": в измененных формах *zadaan, *khibail, *huzaan сочетание aa превратилось в долгий â, а дифтонги ai и au монофтонгизировались в долгие ê и ô соответственно.) Слабые существительные ср.р. в субъектной форме имеют окончание -a, которое в сильных существительных является инфиксом.

Субъектная форма существительных м.р. и ж.р. образуется при помощи окончаний -un и -in соответственно: "Ar-Pharazōnun azaggara avalôiyada" - "Король Фаразон воевал против Валар", "*Zimraphelin banâth 'nAr-Pharazōn" - "Зимрафель - жена короля Фаразона". Последний пример сконструирован автором, поскольку Толкин/Лаудхэм не оставил нам примеров субъектной формы ж.р. на -in. Как заметил Эрендис (Erendis) в UT:207, мы вообще не слишком

много слышали о нуменорских женщинах!

Существительные о.р. в субъектной форме имеют окончание -(a)n.

Множественное число субъектной формы образуется при помощи окончаний -a у существительных ср.р. и -im в остальных случаях. Двойственное число субъектной формы образуется удлинением окончания -at нормальной формы до -ât.

Объектная форма не является самостоятельной формой существительного и употребляется только в составных словах. Она образуется добавлением гласного u в качестве инфикса или суффикса, часто заменяющего гласный основы или вызывающего исчезновение гласного в предыдущем

слоге: minul, azru, huznu, batânu - объектные формы от minal ("небо, небеса"), azra ("море"), huzun ("ухо") и batân ("дорога"), соответственно.

Существительные в объектной форме используются в качестве первого элемента в составных словах, когда второй элемент обозначает источник действия, направленного на первый элемент. Например, Квенийское Eärendil ("Любящий море") переводится на Адуунаик как Azrubêl с azru - объектной формой от azra ("море"), так как море является объектом любви. Azrabêl со словом "море" в нормальной форме означает что-то вроде "любящий из моря".

Иногда объектные отношения между первым и вторым элементами составного слова могут быть достаточно неясными. Например, Квенийское Meneltarma - "Опора Небес" - на Адуунаике выглядит как Minultârik. Существительное minal ("небо, небеса") здесь стоит в объектной форме minul. Смысл в том, что târik или опора поддерживает небо, то есть, небо является объектом действия опоры.

Объектная форма не имеет ни множественного, ни двойственного числа, поэтому в титуле Варды "Зажигающая звезды" не могла использоваться объектная форма gimlu от gimli ("звезда"). "Зажигающая звезды" на Адуунаике выглядит не как Gimlu-nitîr, что могло бы означать "Зажигающая (конкретную) звезду", а как Gimlnitîr с собирательным (то есть, с точки зрения грамматики стоящим в ед.ч.) gimil - "звезды" (см. SD:427-428). Известно, однако, несколько составных слов, в которых первый элемент, стоящий в объектной форме, имеет значение мн.ч. или, по крайней мере, является неисчислимым (см. статьи Ar-Balkumagân и Nimruzîr в словаре). Возможно, Толкин пересмотрел грамматику, и неисчисляемые существительные могли иметь объектную форму.

В Адуунаике нет родительного падежа. Вместо него часто использовались составные слова. Владение могло выражаться префиксом an-, часто сокращавшимся до 'n: "Bâr 'nAnadûnê" - "Повелитель Запада", "Narîka 'nBârî 'nAdûn" - "Орлы Повелителей Запада" (SD:251, 428).

Предложные аффиксы

В "Отчете Лаудхэма" упоминаются несколько "предложных" элементов: ô - "из, от", ad, ada - "к, по направлению к", mâ - "с", zê - "в". Эти элементы добавляются в качестве суффиксов к нормальной форме существительного. В "Отчете Лаудхэма" они не рассматриваются как падежные окончания. Еще один предложный элемент - это, очевидно, dalad - "под", как в Ugru-dalad - "под Тень". Аффикс dalad может включать в себя элемент -ad ("к"), ибо из контекста ясно, что имеется в виду не статичное положение под Тенью, а движение к этому положению: "Ëruhinim dubdam ugru-dalad" - "Эрухины падали под Тень".

Нам известно несколько примеров употребления элемента ada ("к, по направлению к, против, в, в сторону"): Avalôiyada - "против Валар", akhâsada - "в разлом", azûlada - "к востоку". Примеры

употребления mā ("с") и ô ("из, от") встречаются во фразе "säibêth-mâ Êrvô - "с согласия [букв. от] Эру". И в Avalôiyada, и в Êrvô между конечным гласным основы и суффиксом появляется скользящий согласный - у и v, соответственно (SD:424).

Частица "родительного падежа" an, 'n, описанная выше, также может рассматриваться как предложный аффикс.

Прилагательное

Нам известны прилагательные izindi - "прямой", birôda - "тяжелый", êrhalak - "далекий" (и усиленное êrhal êrhalak - "очень далекий"), а также anadûni - "западный" (SD:435). Неизвестно, как образуются формы сравнительной и превосходной степени, если они вообще были в Адуунаике. В отличие от таких языков, как немецкий, в Адуунаике *"нет форм прилагательных м[ужского], ж[енского] или ср[еднего] рода"* (SD:425). Видимо, прилагательные согласовывались с определяемыми существительными в числе: слова dulgi ("черные") и lôkhi ("искривленные") имеют окончание -i, характерное для множественного числа в Адуунаике. Существительные, которые они определяют, также стоят во мн.ч.: "bawîba dulgi" - "ветры [были] черные", "kâtha batîna lôkhi" - "все пути искривленные".

Немного можно сказать об образовании прилагательных. Слово anadûni ("западный") образовано от существительного adûni ("запад") при помощи частицы an, имеющей значение родительного падежа, и буквально означает *"запада"*, но его можно рассматривать как прилагательное. Король Ар-Фаразон в Акаллабет называется "Золотым", и pharaz означает "золото". Если pharazôn - это "золотой", то окончание -ôn должно использоваться для образования прилагательных. Но pharazôn также может быть и существительным, так как -ôn в SD:425 определяется как окончания существительных.

Известно, что *"прилагательные обычно предшествуют существительным"* (SD:428). "Bawîba dulgi" не означает "черные ветры", это именное предложение "ветры [были] черные".

Наречие

Нам известно только два наречия: tâidô - "однажды" - и idô - "теперь", последнее имеет вариант idôn. Видимо, форма с конечным -n использовалась перед словами, начинающимися на гласный (включая полугласный y: idôn Yôzâyan). Это напоминает употребление артикля a/an в английском или таких предлогов, как об/обо, в русском языках, хотя an и об не употребляются перед полугласными.

Существительное Adûn ("запад"), очевидно, может быть использовано в значении "к западу". Частица bâ ("не делай, *нет", SD:250) также может рассматриваться как наречие.

Причастие

Мы имеем два примера причастия прошедшего времени на -ân: zabathân - "покорный, смиренный" - и zirân - "любимый". Это окончание, очевидно, соответствует окончаниям *-nâ в Протоэльфийском -на или -ina в Квенья. Оба причастия следуют за определяемыми словами.

Числительное

Известны только два числительных: satta - "два" - и hazid - "семь" (SD:427, 428, hazad в SD:247). В SD:432 говорится, что основа слова "один" - ?IR (? - глоттальный взрывной согласный), отсюда божественное имя Êgu - "Один, Единый" (Êgu на Квенья), но действительная форма числительного "один" не приводится. Известно, что все количественные числительные, кроме "один", на самом деле являются существительными. В предложении они следуют за определяемыми существительными: gimli hazid - "семерка звезд = семь звезд".

Местоимение

Нам неизвестны самостоятельные местоимения Адуунаика, хотя они должны были существовать. Несколько местоименных элементов можно выделить из глаголов (см. ниже). В SD:425 говорится, что в Адуунаике *"местоимения в третьем лице различались по родам (или даже полам)"*. Согласно SD:435, *и и i "являются главными компонентами основ местоимений 'он' и 'она'"*, но не ясно, как выглядели слова "он" и "она" на самом деле. "Hi-Akallabêth" переведено как "Она-что-пала" (SD:247), и можно предположить, что "она" на Адуунаике - hi. Может быть, "он" - это *hu? (На иврите hu' - "он", hi' - "она".) Слово pênud переведено как "на нас", возможно, "мы" или "нас" будет *pên?

См. также список местоименных префиксов в разделе "Глагол".

Глагол

Кристофер Толкин из тех немногих заметок о глаголе в Адуунаике, которые сделал его отец, извлек следующее:

"Было три класса глаголов:

- 1) биконсонантные (kap- 'держать');
- 2) триконсонантные (kalab - 'пасть');
- 3) производные (azgârâ - 'вести войну', ugrudâ - 'затемнять, омрачать').

Было четыре времени:

- 1) аорист, соответствующий настоящему времени в английском, но чаще использовавшийся как историческое настоящее или прошедшее в повествовании;
- 2) продолжительное настоящее;
- 3) продолжительное прошедшее;
- 4) прошедшее (часто использовалось как предпрошедшее вместе с аористом в значении прошедшего или как будущее совершенное вместе с аористом в значении будущего).

Будущее время, условное и желательное наклонения образовывались при помощи вспомогательных слов. Страдательный залог передавался безличными формами глагола с подлежащим в винительном падеже". (SD:439; видимо, "винительным падежом" здесь названа нормальная форма существительного)

Под производными, очевидно, имеются в виду глаголы, образованные от существительных. Слово ugrudâ ("затенять, омрачать") явно произведено от uggu ("тень"). Azgârâ ("вести войну"), вероятно, включает существительное "война" (azgâ? azgâr?).

Ниже приведены глагольные формы, встречающиеся в "Отчете Лаудхэма" и в окончательных вариантах известных фрагментов на Адуунаике, вместе с подлежащими, так как глагол мог каким-либо образом согласовываться с подлежащим.

Прошедшее время:

- unakkha - "он пришел". Очевидно, производное от NAKH - "прийти, подойти".
- dubdam - "[Эрухину] падали".
- yurahtam - "[Повелители Запада] раскололи".
- hikallaba - "она-пала" (она = Нуменор).
- ukallaba - "[Властелин] пал". Bâr ukallaba - "Властелин пал", bârûn (u)kallaba - "это был Властелин, который пал" (см. SD:429). Все это производные от KALAB - "падать" (SD:416, 439).

ayadda - "[прямой путь] шел".
usaphda - "он понял" (основа SAPHAD, SD:421).

Продолжительное прошедшее время:

azaggara - "[Ар-Фаразон] воевал" (по-английски - "[Ar-Pharazfn] was warring").

Продолжительное настоящее время:

yanâkħim - "[Орлы] приближаются" (SD:251), от глагольной основы NAKH - "прийти, подойти" (SD:416).

yakalubim - "[горы] наклоняются". Очевидно, производное от KALAB - "падать". (SD:251)

Форма, напоминающая условное наклонение:

du-phursâ - "[моря] чтобы хлынуть".

Повелительное наклонение:

Bâ kitabdahê! - "не трогай меня!" (SD:250) Bâ - это отрицание "не делай, нет" (WJ:370-371).

Прежде, чем анализировать сами глагольные формы, необходимо выявить различные аффиксы и отделить базовые формы глаголов.

Глаголы во мн.ч. определенно имеют окончание -m: yanâkħim - "(они) приближаются", yakalubim - "(они) наклоняются", dubdam - "(они) падали", yurahtam - "(они) раскололи". Сюда можно добавить также pam - "(они) есть" (английское "are") из раннего варианта фрагмента, приведенного в SD:312. Очевидно, этот глагол связан с Эльфийской основой NA - "быть" (LR:374).

Большинство глаголов имеют местоименные префиксы, которые переводятся местоимением только в тех случаях, когда в предложении отсутствует подлежащее:

u- "он" в unakkha - "он-пришел", ukallaba - "[он] пал", usaphda - "он понял".

hi- "она" в hikallaba - "она-пала" (ср. с ukallaba выше).

yu- и ya- "они": yurahtam - "(они) раскололи" (они = Повелители Запада), yanâkħim - *(они) приближаются" (они = орлы), yakalubim - "(они) наклоняются" (они = горы). Относительно возможных различий между yu- и ya- см. ниже.

ki- "ты"? в Bâ kitabdahê - "не [ты] трогай меня" (см. ниже).

a- "оно"? в ayadda - "шел", подлежащее - неодушевленный объект (путь).

Эти элементы должны присоединяться к глаголы, когда подлежащее стоит в нормальной форме (оно должно непосредственно предшествовать глаголу). Местоименные префиксы также могут использоваться и в тех случаях, когда подлежащее стоит в субъектной форме (как в Bârim an-Adûn yurahtam dâira - "Повелители Запада раскололи Землю"), но это не обязательно.

Примечание: в ранних версиях данной статьи на основе примера dubdam ("они падали") утверждалось, что du- может означать "они", но, как отметил Мэтью Кервран (Matthieu Kervran), du-, скорее всего, является частью основы *DUBUD ("падать"). Автор предполагал, что основа выглядела как *BADAM, но -am, вероятно, является окончанием, сформированным из признака прошедшего времени *-a и признака множественного числа *-m (ср. с yurahtam - "они раскололи"). В данном случае местоименный префикс отсутствует, поскольку подлежащим при dubdam является существительное в субъектном падеже Eghîhîm. Существование двух различных префиксов со значением "они" может объясняться тем, что yu- указывает на группу мужчин и происходит от префикса u- "он" (подлежащее при yurahtam означает Повелителей Запада),

а уа- связано с группой предметов или животных и происходит от префикса а- "оно" (подлежащими при уакалубим и уанакхим были горы и орлы, соответственно). Возможно, на группу женщин будет указывать префикс *уi- (от hi- "она").

В единственном известном нам примере повелительного наклонения, крике "bâ kitabdahê!" - "не трогай меня!" (SD:250), бв, очевидно, означает запрет, отрицание. Следовательно, Kitabdahê должно означать "трогай меня". Возможно, основа со значением "трогать" выглядит как *TABAD, *ki- представляет собой местоименный префикс "ты", а -hê - суффикс "меня". Есть также предположение, что -hê - это окончание повелительного наклонения, и что буквальное значение фразы "bâ kitabdahê" - *"ты не трогай". В Эльфийских языках можно найти элементы, соответствующие почти всем известным местоименным префиксам в Адуунаике, но там нет ничего даже отдаленно напоминающего суффикс -hê. Этот факт укрепляет последнюю версию о значении этого суффикса.

Убрав из известных глагольных форм все местоименные суффиксы и окончания мн.ч., мы получаем следующий список базовых форм глаголов:

Настоящее время:

nākhi - "приближается" (основа NAKH - "прийти, подойти").

kalubi - "наклоняется" (основа, очевидно, KALAB - "падать").

Возможно, -i в действительности является частью окончания мн.ч. -im (ср. с окончанием мн.ч. существительных в субъектной форме, например, в слове Bârim - "Повелители"), и базовые формы будут выглядеть как nākhi и kalubi, но ничего определенного здесь сказать нельзя. Система будет более симметричной, если предположить, что -i является частью базовой формы глагола.

Прошедшее время:

nakkha - "пришел" (основа NAKH - "прийти, подойти").

dubda - "падал" (основа *DUBUD).

rahta - "расколлот" (*RAHAT).

kallaba - "пал" (KALAB).

yadda - "шел" (*YAD).

usaphda - "понял" (SAPHAD).

azaggara - "воевал" (в SD:439 говорится, что слово azaggara образовано от базовой формы azgârâ).

Условное наклонение:

du-phursâ - "чтобы хлынуть" (*PHURUS).

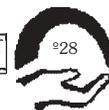
Повелительное наклонение:

tabda или tabdahê - "трогай".

Образование форм глаголов (попытка объяснения)

Форма настоящего продолжительного времени от биконсонантных глаголов образуется при помощи а-усиления гласной основы (то есть, перехода а, i, u в â, ê, ô соответственно) и добавления окончания -i. Отсюда nākhi ("приближается") из NAKH. Настоящее время от основы ZIR ("любить") будет выглядеть как *zêri, от RUTH ("ранить") - *rôthi. Настоящее время от триконсонантных глаголов образуется по шаблону 1-CV-2-u-3-i, то есть, между первым и вторым согласными располагается характеристический гласный, между вторым и третьим - гласный u, и добавляется окончание -i. Отсюда kalubi ("наклоняются, *падают") из KALAB ("падать"). Примеры настоящего времени производных глаголов отсутствуют.

Прошедшее время от биконсонантных глаголов образуется при помощи удвоения конечного согласного и добавления окончания -a. Отсюда nakkha из NAKH ("прийти, подойти"), yadda

("шел") из *YAD. Что касается прошедшего времени от триконсонантных глаголов, в источниках представлены два различных шаблона. Во всех формах присутствует окончание -а, так же как и в формах прошедшего времени от биконсонантных глаголов, но второй согласный основы ведет себя по-разному. Три глагола образованы по шаблону 1-CV-23-а: saphda ("понял") из SAPHAD, dubda ("падал") из *DUBUD и rahta ("расколот") из *RAHAT. Но глагол kallaba ("пал") образован от основы KALAB по шаблону 1-CV-22-CV-3-а, то есть, при помощи удвоения второго согласного основы и вставки между ним и третьим согласным характеристического гласного. Является ли этот глагол формой того же прошедшего времени? Возможно, соответствующая saphda, dubda, rahta форма от KALAB будет выглядеть как kalba, а соответствующие kallaba формы от SAPHAD и *DUBUD - как sapphada и dubbuda, соответственно? Толкин использовал форму kalba, но впоследствии заменил ее на kallaba с префиксом hi- (SD:288). Изменил ли он время или саму грамматику? Возможно, он просто решил использовать другое время. Толкин отмечал, что в Адунаике, кроме прошедшего продолжительного времени, использовался аорист, *"соответствующий настоящему времени в английском, но чаще использовавшийся как историческое настоящее или прошедшее в повествовании"* (SD:439). То есть, возможно, что одна из форм, которые мы определили как прошедшее время, в действительности является аористом, использовавшимся в качестве прошедшего в повествовании, а другая - прошедшим продолжительным временем. В таком случае, что есть что? Единственный известный нам пример прошедшего времени производного глагола - azaggaga ("воевал") - в английском переводе ("was warring") более близок к форме прошедшего продолжительного времени. В SD:439 приведена базовая форма этого глагола - azgârâ ("вести войну"). Интересно, что в форме прошедшего продолжительного времени удваивается второй согласный g. Можем ли мы рискнуть назначить продолжительное значение всем глаголам с удвоенным согласным в корне, то есть, nakkha - *"приходил", а не "пришел", kallaba - *"падал", а не "пал"? И можем ли мы точно так же объявить глаголы saphda, dubda и rahta формами аориста?

Единственный известный нам пример глагола в условном наклонении, образованного, как сказано в SD:439, при помощи *"некоторого рода служебного слова"*, это du-phursa - "чтобы хлынуть". Возможно, префикс du- и является служебным словом? Phursa (очевидно, от триконсонантной основы *PHURUS - "хлынуть"), походит на форму, экспериментально определенную выше как аорист. Следовательно, мы можем заключить, что в Адунаике условное наклонение образовывалось добавлением префикса du- к форме, похожей на аорист. Форма условного наклонения не имела окончания мн.ч. -m, даже, если подлежащее (в данном случае "моря") стояло во мн.ч.

Глагол в повелительном наклонении, скрытый во фразе bâ kitabdahê ("не трогай меня"), выглядит либо как tabdahê, либо как tabda, в зависимости от того, чем является последний слог -hê: окончанием повелительного наклонения или местоименным суффиксом "меня". Слово tabda (очевидно, от триконсонантной основы *TABAD) также походит на аорист. Мы должны заключить, что в Адунаике форма повелительного наклонения либо была идентична аористу, либо образовывалась от него добавлением суффикса -hê.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Глава 3. БУРЖУАЗНЫЙ ГРАБИТЕЛЬ

Слово и предмет: эльфы и гномы

"*Sigilhearwan*", Ноденс, Фаулер, фантазия, волшебство, "*glamour*... Если обнажить суть толкиновских верований от прикрывающей их академической осторожности, то ее можно будет вкратце выразить так: "слово делает вещь аутентичной". Толкин полагал, — и не просто полагал, а знал — что многие слова и словоформы делятся на два типа: первый тип — "старые, традиционные, подлинные", второй — "новые, неисторические, ошибочные". Исходя из этого, он сформулировал мнение, уже менее очевидное, но все-таки в высшей степени убедительное, — что слова, которые принадлежат к первому типу, не только более "истинны", но и более интересны, чем те, которые принадлежат ко второму; первые заставляли считаться с собой на протяжении тысячелетий и обладали определенной "внутренней непротиворечивостью", неважно, по отношению ли к законам "большой" реальности, или всего лишь реальности Малого Творения.

Это убеждение Толкина во многом объясняет неожиданные приступы скрупулезности, которые так часто на него находили. В 1954г. он впал в ярость, обнаружив, что корректор первого издания "Властелина Колец" — с самыми наилучшими намерениями и в согласии с общепринятой английской практикой — на всем протяжении книги изменил "*dwarves*" на "*dwarfes*", "*dwarvish*" на "*dwarfish*", "*elven*" на "*elfin*" и т.д. Принимая во внимание исчисляемое сотнями количество правок (и стоимость корректуры), большинство писателей в такой ситуации махнули бы на все рукой и оставили бы текст как есть; однако Толкин потребовал восстановления всех первоначальных форм (ХК, с.217). В 1961г. издательство "Puffin Books" попыталось предпринять в тексте "Властелина Колец" примерно такие же исправления, и Толкин еще долго после этого на них ворчал (П., с.236). Для него важно было то, что даже в современном

английском многие старые слова, которые кончаются на *-f*, можно отличить от новых по формам множественного числа: старые слова (или по крайней мере слова, принадлежащие к одной определенной группе в древнеанглийском языке) ведут себя как “*hoof*” (“копыто”) или “*loaf*” (“буханка”) и образуют множественное число по образцу “*hooves*”, “*loaves*”, а новые слова (на которые не оказали влияния звукоизменения древнеанглийского периода) просто добавляют окончание *-s* — как в “*proofs*”, “*tiffs*”, “*rebuffs*”. Поэтому написание “*dwarfs*” было для Толкина, с его острой, натренированной восприимчивостью, все равно что попытка обкорнать слово, лишив его возраста и корней. За много лет до этого примерно такие же соображения заставили Якоба Гримма выкинуть из своего немецкого словаря слово “*Elfen*” как завезенное из Англии, и заменить его на исконную форму — “*Elben*” (ко времени Гримма в немецком языке уже не использовавшуюся). Причины, приводимые Гриммом, почти дословно повторяют тот совет, который Толкин дает немецким переводчикам в своем “Руководстве для переводчиков”(с.164)(1). Толкин недолго любил слово “*elfin*” еще больше, чем форму “*dwarfs*”, так как это слово представляет собой псевдосредневековое новоизобретение, принадлежащее лично Эдмунду Спенсеру(2) — поэту, которого цитата из ОСА возвеличивает как родоначальника современной литературы; поэту, чья первая поэма — “Календарь пастуха” (1579г.) — была снабжена, возможно, самым возмутительным комментарием из всех, какие Толкину только доводилось читать. В этом комментарии Спенсер утверждает, во-первых, что “ложное представление об эльфах (слово “эльфы” написано через *-f*. — М.К.)” должно быть “выкорчевано из людских сердец”, поскольку на самом деле это якобы всего лишь искажение слова “гвельфы” (название итальянской политической партии), да и в любом случае эльфы — понятие чисто папистское, распространяемое “лысыми братчиками(3) и выбритыми церковниками”(4). Толкин, наверное, не знал, чему больше возмущаться: это утверждение задевало его честь сразу и как филолога, и как патриота, и как римокатолика(5)! В конечном счете этот комментарий, без сомнения, только утвердил его в убеждении, что ошибочное современное правописание появилось в природе с легкой руки тупиц и людей чересчур самоуверенных.

Это убеждение имеет еще одно свидетельство в свою пользу — историю слова “*fairy*” (“фея”, “волшебное существо”, “волшебное” как прилагательное, “Волшебная Страна” как название). ОСА, верный формальной стороне дела, сообщает что “*fairy*” — это и есть именно то слово, которое следует предпочитать всем остальным: “В современной литературе “эльф” — не более чем синоним слова “*fairy*”, которое сегодня в значительной степени заменило слово “эльф” даже в диалектах”. Вне зависимости от того, соответствует это последнее утверждение действительности или нет, Толкин знал, что в подобных случаях ОСА очень часто дает неверные сведения. Первая цитата, которую приводит ОСА в статье “*fairy*” (имеется в виду, что в этой цитате слово “*fairy*” имеет современный смысл) взята из Джона Гауэра, 1393г.: “Он выглядел так, как будто он был “*fairy*” ...” (имеется в виду, что “он” выглядел как “волшебное существо”); однако в эссе “О волшебных сказках”(ПТБ, с.371) Толкин объясняет, что Гауэр имел в виду нечто совсем иное, а именно: “Выглядел так, как будто был родом из “*faerie*”...”, то есть, пришел из страны под названием “*faerie*”, из волшебной страны. Немногим выше ОСА цитирует более ранний источник — поэму “Сэр Орфео”. Это делается ради подтверждения того факта, что слово “*the fairy*” может быть собирательным и означать “*the fairy-folk*” — “волшебный народ”: “*Awey with the fayre sche was ynome*”, по-видимому, следует переводить как “Она была похищена волшебным народом”. Толкин нигде этот вопрос открыто не комментирует, однако в его переводе “Сэра Орфео”, опубликованном в 1975г., эта строчка передана правильно: “Она была похищена с помощью волшебства”. В этом контексте “*fayre*” означает волшебство, то есть “*glamour*”, “*deceptio visus*” (“обман зрения”), в котором так искусны обитатели “Волшебной Страны” (“*Fairy Land*”). Смысл этих наблюдений для Толкина, по-видимому, заключался в том, что они еще раз

подтверждали: слово "fairy", каким мы его знаем, имеет гораздо более позднее происхождение, чем полагает ОСА. Более того, на самом-то деле это слово заимствованное, производное от французского "fee" ("фея"), и на протяжении всей своей истории являлось для англоговорящих людей источником заблуждений и ошибок, благодаря которым возникло такое сложнообразование, как "fairy-tale" и "fairy-story" ("волшебная сказка" и "волшебная история")(6). Как констатирует Толкин в ОВС, оба понятия с самого начала были определены неточно, не несли в себе никакой информации и ассоциировались с такими литературными произведениями, как "Нимфидия" Драйтена(7), то есть были полностью чужды "Малому Творению", да и вообще не имели никакого отношения к искусству литературы.

Хорошая литература начинается с правильных слов. В соответствии с этим принципом Толкин постепенно приучил себя не пользоваться формами типа "elfin", "dwarfish", "fairy", "gnome", а потом отказался и от слова "goblin" ("гоблин"), хотя в ранних своих работах (до "Хоббита" и включительно) он ни одной из этих форм не брезговал(8). Что еще более важно, он начал подыскивать им замену и размышлять о том, какие именно понятия скрываются за этими словами и что они будут означать, если употреблять их, по его выражению, "лингвистически аутентично". Это "пересотворение" — "творение на основе филологии" — составляет самое сердце толкиновского "вымысла" (не путать с "вдохновением"); этим делом он занимался в течение всей жизни, и проследить, или реконструировать его продвижение вперед по этому пути сравнительно легко. Таким образом, не может быть особых сомнений по поводу того, что думал Толкин об эльфах английской и германской традиции. Он знал, с чего нужно начинать: древнеанглийское слово "ælf" — предок современного слова — родственно древнескандинавскому "alfr", древневерхненемецкому "alp", и, если уж на то пошло, готскому "*albs" (до наших дней не дошедшему). Это слово встречается и в "Беовульфе", где эльфы перечислены среди других потомков Каина — "eotenas ond ylfe ond orkneas", то есть "тролли, эльфы и демоны", а также в "Сэре Гавэйне и Зеленом Рыцаре", где участники сцены при дворе короля Артура довольно нервно описывают неожиданно появившегося в пиршественном зале семифутового зеленого великана с чудовищным топором как "aluish mon" (то есть, "сверхъестественное эльфийское существо"). Широкое распространение слова "эльфы" в пространстве и времени доказывает, что вера в таких существ, что бы они ни представляли собой на самом деле, была некогда всеместной и восходит к тем незапамятным временам, когда предки англичан, германцев и норвежцев говорили на общем языке. Но в чем заключалась эта вера? Размышляя не столько над словом, сколько над понятием, Толкин должен был вскоре прийти к заключению, что все "лингвистически аутентичные" рассказы об эльфах, откуда бы они не происходили, сходятся на том, что эльфов можно назвать существами парадоксальными, причем сразу с нескольких сторон.

Во-первых, люди никогда толком не знали, какое место следует отвести эльфам на шкале между полюсами добра и зла. Автор "Беовульфа" говорит, что они — потомки первоубийцы Каина. С другой стороны, история, рассказанная в "Сэре Гавэйне", как бы намекает, что не так уж плохи эти эльфы — в конце концов, зеленый великан ведет честную игру и даже переигрывает сэра Гавэйна. Неоспоримо только одно — это существа очень страшные. Жертв (alfa-beot) им приносить не следует, на этом сходились все исландцы христианской эры. С другой стороны, надо полагать, эльфов никогда не помешает вовремя задобрить; если же этого не сделать, напоминали, возможно, друг другу англосаксы, то можно заработать "woeter ælfadl" ("болезнь водяного эльфа", водянка), или "ælfsoğða" - лунатизм. Широко распространено было верование в так называемую "эльфийскую стрелу"*1, по ассоциации, с одной стороны, с кремневыми стрелами доисторических людей, а с другой стороны — с метафорическими стрелами дьявольского искушения. Обе ассоциации объединяет одно: страх.

Однако страху сопутствует притягательность. У англосаксов было в ходу прилагательное

“*ælfsskynne*”, имевшее положительный смысл — “эльфийски прекрасная” (о женщине). “*Friðgem alfkone*”, — говорили исландцы (“Прекрасна как эльфийская дева”). Самые любимые и чаще всего рассказываемые истории об эльфах подчеркивают месмерическое очарование этих существ. Такова, например, история о “Верном Томасе из Хантльбэнка” (которому довелось увидеть “королеву прекрасной Эльфландии”), или о молодой женщине, которая сподобилась услышать эльфийские рога; и в том, и в другом случае непосредственная реакция человека одинакова — его тянет к эльфам. Верный Томас пренебрегает всеми предостережениями, уходит за эльфийской королевой, семь лет не возвращается на землю, а вернувшись, снова исчезает, едва слышав ее зов (версия Вальтера Скотта). Средневековая поэма “Сир Лаунфал” оканчивается таким же радостным дезертирством. Однако если к эльфам убегают женщины, это вызывает больше подозрений. Леди Изабель из одноименной шотландской баллады с трудом удается спасти свою девственность и самую жизнь от эльфийского рыцаря-обманщика, которого она сама же себе на горе и вызвала. В “Истории женщины из Бата” Чосер отпускает ряд шуточек об эльфах и орденовских брагчиках; соль этих шуток в том, что последние, по мнению Чосера, все-таки более падки до молодых женщин, нежели эльфы, хотя репутация и у тех, и у других одинаково скверная. Таким образом, привлекательность и опасность смешиваются воедино. Интересно, что обычно история типа “молодой человек/ эльфийская королева” кончается тем, что молодой человек впадает в отчаяние — но не потому, что его соблазнили, а потому, что бросили. Именно память о прежнем счастье, разочарование, утрата волшебства (“*glamour*”) заставляют Китсовского героя “бродить в одиночестве бледном”(9).

Откуда в трезвой реальности могла появиться такая на первый взгляд противоречивая смесь страха и влечения, понять совсем нетрудно. Красота уже сама по себе опасна; именно это пытается объяснить Фарамиру(10) Сэм Гэмги(11) в “Двух Башнях”(12), когда Фарамир спрашивает его о том, кто такая Галадриэль(13), королева эльфов. “Насчет “губительно” — не знаю”, — говорит Сэм (“Властелин Колец”, т.2, с.401), отвечая на в высшей степени точные слова Фарамира о том, что эльфийская владычица, по-видимому, “губительно прекрасна”:

“Думаю, люди сами приносят в Лориэн свою беду — и, конечно, натываются на нее, на беду эту, раз уж она пришла туда вместе с ними. Владычицу, конечно, очень даже можно назвать опасной, хотя бы потому, что в ней столько силы! Иной об эту силу разобьется, как корабль о скалу, иной утонет, как хоббит, если его бросить в реку. Но скалу и реку винить трудно.”

То же самое можно сказать о госпоже сира Лаунфала, или о даме Верного Томаса. Можно также догадаться, что отвергнутые жены и невесты, или мужья и отцы тех, кто поддался эльфийским чарам, расскажут об этих событиях совсем по-другому! “*Ylfe*” мгновенно угодят у них в одну категорию с Каином или Молохом. Но их версия, как не исходящая от непосредственных свидетелей, будет страдать предубежденностью (как, например, мнение об эльфах Боромира или Эомера с его всадниками (“Властелин Колец”, т.2 с.40.) (14).

Сильная сторона толкиновских “воссозданий” в том, что они вбирают в себя все доступные свидетельства и пытаются объяснить как светлые, так и темные стороны общеизвестных легенд. Исследования, предубеждения, слухи и конфликтующие мнения, сталкиваясь, часто придают

историям об эльфах и других расах особую глубину. Например, в Лотлориэне Толкин одновременно использует несколько различных идей об отношении эльфов ко времени. Большинство легенд сходится на том, что люди, вернувшиеся из эльфийской страны, теряют ориентацию во времени. Обычно им кажется, что за

пределами эльфийской страны время течет в ускоренном темпе: три ночи в эльфийской стране равняются трем годам за ее пределами, а то и целому столетию. Однако иногда людям, наоборот, кажется, что снаружи время стоит, а внутри движется. В датской балладе “*Elverhoj*”, или “Эльфийский холм”, эльфийская дева поет:

*Striden strom den stiltes clerved,
som forre var van at rinde;
de liden smaafiske i floden svam,
de legti med deres finne.*

“Быстрый поток стоял в то время недвижно, — тот, что прежде бежал бегом; маленькие рыбки, которые в нем плавали, играли плавниками во времени”(15).

Могут ли противоречия в легендах служить опровержением этих легенд? Толкин полагал, что противоречия скорее указывают на то свойство реальности, которое К.С.Льюис называл “неожиданностью”(16). В “Содружестве Кольца”(17)(сс.586-9) Толкин даже сделал специальное отступление, чтобы объяснить парадоксы эльфийского времени. Сэм полагает, что их пребывание в Лотлориэне — то есть, собственно говоря, внутри “эльфийского холма” — могло продолжаться самое малое три ночи, но “не месяц же!... Что же, получается, время там не в счет?” Фродо соглашается с Сэмом, а Леголас уверяет, что с эльфийской точки зрения все гораздо сложнее: “Для эльфов мир движется так же, как для всех, с той только разницей, что для нас он одновременно мчится сломя голову и ползет как улитка. Нам кажется, что он мчится оттого, что сами эльфы почти не меняются, а все остальное безудержно уплывает мимо, и мы не можем не грустить об этом. А ползет оттого, что эльфы не считают бегущих лет, им этот счет не нужен. Мелькающие времена года — только легкая рябь, играющая на водах длинной реки”.

Слова Леголаса гармонизируют оба мотива — “ночи, которая длится год” и “потока, который стоит недвижно”. В некотором смысле по отношению к чистому действию, к сюжету “Властелина Колец”, комментарий Леголаса даже излишен. Однако вкупе со многими другими вставками, отступлениями, объяснениями и аллюзиями такие комментарии помогают поддерживать ощущение, что странное и привычное перемешаны между собой: вполне трезвые, разумные объяснения словно кружатся вокруг какого-то таинственного центра. Сам Толкин познакомился с этим чувством “перемешанности странного и привычного” в процессе долгих размышлений над литературными и филологическими загадками; это объясняет, почему он придавал такое большое значение последовательности и интонации^{*2}. Чтобы не предаваться многословию, можно сразу сказать, что примерно то же самое Толкин проделал со словом *dwarves* (“гномы”). Это тоже древнее слово, — достаточно сравнить его с древнеанглийским *dweorh*, древнескандинавским *dvergr*, древневерхненемецким *twerg*, готским **dwaigrs* и т.д. По-видимому, это слово в течение долгих периодов времени сосуществовало со словом “эльф”, вызывая этим целый ряд недоразумений — взять хотя бы деление эльфов на “светлых”, “серых” и “темных”. Толкин никогда не забывал об этой классификации и в конце концов дал ей место в

своих легендах, когда писал историю Эола (“Сильмариллион”)(19). Еще интереснее присутствующий в различных источниках легкий намек на то, что в принципе рядом с гномами люди жить могут, а вот с эльфами — никогда, хотя и этот легкий намек обычно бывает замутнен общей враждебностью людей по отношению ко всем чуждым расам. В хорошо известной сказке из коллекции братьев Grimm семеро гномов оказывают Белоснежке помощь. А вот в сказке “Белоснежка и алая роза” (тоже из коллекции братьев Grimm) гном — герой сказки — сочетает богатство с черной неблагодарностью. Гномы напрямую ассоциируются с золотом и рудничным делом, — это, видно, например, в окрестностях “Гномьего Холма” (см. с.33, выше); часто встречается мотив расторгнутой сделки, — например, в истории о том, как скандинавский бог Локи, хитро торгуясь на манер Порции из “Венецианского купца”, так умело обошел гнома, с которым торговался, что в итоге отказался заплатить за свою голову, которую прозакладывал тому в споре, или о том, как Локи (опять Локи!) отобрал у гнома Андвари все его богатство, не исключая даже последнего рокового кольца, которое Андвари молил оставить ему(20).

“*Inter uos nemo loquitur, nisi corde doloso*”, - говорит гном в немецкой поэме XI столетия под названием “Ruodlieb”. По тону эти слова враждебны, зато правдивы: “Никто из вас, людей, никогда не говорит от чистого сердца. Поэтому никто из вас долго не живет...” В “Хоббите” упоминаются, по разным поводам, и долголетие гномов, и их склонность вступать в споры по поводу выплаты долгов. Их поселения под горой тоже традиционны. Великая древнескандинавская поэма о конце света — “Voluspá” — ставит гномов в тесную связь с камнем: “*stynia dvergr fyr steinduroni*” — “гномы стонут перед своими каменными дверями”, говорится в ней. Снорри Стурлусон (которого можно назвать северным Лайамоном)(21) говорит, что они “вгрызаются в землю, как черви”, а его исландские соотечественники с давних пор называли это “*dvergmál*” — “гномьи разговоры”. Родство между такими разведенными во времени и пространстве текстами, как “Младшая Эдда” Стурлусона (исландский язык, XIII столетие) и детские сказки братьев Grimm (немецкий язык, XIX столетие) в этом вопросе поистине удивительно и выражено так явно, что провоцирует на многие выводы. Толкин был не первым, кто это заметил, да и сами Grimms говорили, что такие совпадения доказывают существование некоего “первоначального единства”, “*des ursprunglichen Zusammenhangs*”(22). Немецкое слово “*Zusammenhang*” буквально означает “взаимосцепленность”, “взаимозависимость”. Примерно так же думал обо всем этом и Толкин; ведь как ни посмотри, явления существуют сами по себе, вне зависимости от того, как их интерпретируют ученые.

Однако и в том, что касается эльфов, и в том, что касается гномов, важен еще один фактор, которому Толкин всегда придавал большое значение: это литературное искусство. Количество найденных и использованных им культурных соответствий было для него не так важно; такое впечатление, что наибольшее значение Толкин придавал отдельным поэмам, сказкам, фразам, образам, уделяя именно им больше всего внимания и используя их в качестве точек кристаллизации при описании целых рас и племен. Разумеется, пытаться идентифицировать, что именно легло в основу того или иного образа, было бы чистой спекуляцией, однако я лично предположил бы, что для толкинского образа эльфов такой ключевой точкой было описание королевской охоты в “Сэре Орфео”, а для образа гномов — рассказ о “*Hjaldningavik*” (“Вечной Битве”) из Эдды Снорри Стурлусона. Из этих двух текстов легко вывести, соответственно, две характерные черты двух племен, которые можно назвать определяющими: эльфы вечно ускользают от прямой встречи, гномов — мстительны.

Начнем с той поэмы, которая несколько проще — с “Вечной Битвы”. Вот о чем в ней говорится: был некогда король по имени Хегни. Была у него дочь по имени Хильдр. Однажды, когда король отсутствовал, Хильдр была похищена королем-пиратом по имени Хетинн (по некоторым версиям, он соблазнил Хильдр игрой на арфе). Хегни пустился в погоню и нагнал беглецов на Оркнеях, на острове под названием Хой. Хильдр попыталась примирить стороны и

предупредила отца, что Хетинн готов к сражению. Хегни “ответствовал дочери учтиво, но на мировую не пошел”. Когда короли сблизилась для сражения, Хетинн предпринял новую попытку помириться, более приемлемую и почтительную. Но Хегни отверг ее со словами: “ Слишком поздно предложил ты мне мир, ибо я уже обнажил Даинслейф — меч, выкованный гномами. Меч этот, будучи вынут из ножен, не успокаивается, покуда не убьет кого-нибудь, а, нанося удар, никогда не отклоняется в сторону; и если он кого-нибудь поцарапает, то эта рана не заживет уже никогда”. Хетинн, истый викинг, нимало не уstraшенный этими словами, кричит в ответ, что, по его разумению, хорош любой меч, который верно служит своему владельцу, — и начинается битва. Она длится каждый день с утра до вечера, и каждый раз мужчины убивают друг друга, но каждую ночь Хильдр оживляет их с помощью колдовского искусства, и так будет продолжаться до конца света(23). Хорошо видно, что эта история повествует о не знающей сомнения гордости, которая, однако, из-за лаконизма в выражениях, свойственного героям, скрыта в подтексте. Смысл в том, что Хегни предпочитает вступить в сражение, нежели дать противнику повод думать, будто Хегни можно купить. Предмет, в котором воплощены эти гордость и решимость — меч Даинслейф, “наследие Даина”, клинок, выкованный гномами и не знающий жалости. Меч Тюрфинг из саги о Хейдрекке, изданной Кристофером Толкином, практически не отличается от Даинслейфа — он выкован гномами, на нем лежит проклятие, он не знает жалости, становится причиной смертоубийства среди близких родственников и в итоге заслуживает горькой фразы — “...Помнить о нем будут вечно; зол рок Норн”. Складывается впечатление, что Толкин, создавая своих гномов, обратил внимание именно на эти черты, наделил ими своих героев и подверг их дальнейшему развитию. Торину и его компании из “Хоббита” известны и жадность, и жажда мести. В центре рассказываемой во “Властелине Колец” истории гномов (Приложение А) стоит долгое и многоболезненное повествование о том, как истово Траин мстил за Трора(24), а сам Даин Железная Пята воплощает собой в толкиновском Средьземелье квинтэссенцию негибавшего, честного, исполненного горечи и в целом какого-то злосчастного гномьего характера(25). Не будет преувеличением сказать, что, по всей вероятности, необходимое для создания гномов “вдохновение” (если противопоставить его более трудоемкому элементу “вымысла”) Толкин черпал напрямую от Снорри Стурлусона, из “Вечной Битвы”, истории о “Даинслейфе, выкованном гномами”. Как сказал бы сам Толкин, это была отправная точка воображения, или “точка возгорания” — нечто такое, чего, раз увидев или прочитав, уже не забудешь.

Что касается образа эльфов, то здесь для Толкина точкой возгорания были два-три десятка строчек из средневековой поэмы “Сэр Орфео”, которая и сама по себе являет прекрасный образец алхимии искусства. В основе поэмы лежит обычная классическая история Орфея и Эвридики, но поэт XIV столетия (или какой-то его забытый предшественник) радикально изменил ее сразу в двух планах: во-первых, страна мертвых превратилась в страну эльфов, откуда является эльфийский король, чтобы похитить Даму Хейродис; во-вторых, Сэр Орфео, в отличие от своего классического прообраза, успешно завершает миссию и освобождает жену, побеждая эльфийского короля с помощью двух сил — музыки и законов чести. Самое знаменитое и самое оригинальное место в поэме — это сцена, где Орфео подобно безумцу скитается в лесах, надеясь отыскать жену, и при этом то и дело встречает эльфов, но никак не может понять — галлюцинации это, призраки или реальные существа, находящиеся по ту сторону некоего призрачного барьера, за который Орфео проникнуть не может. Дословно эти строчки переводятся так:

“И в полдень, когда горячий свет лежал на листве и деревьях, / часто видел он, как король волшебной страны со своей свитой / выезжал в леса на охоту; / слышны были дальше пение рогов, и приглушенные крики, / и лай собак, / но ни разу они не затравили и не убили ни единого зверя, / и не видел он, куда они потом исчезали”(SVPO, с.129-130).

Из этого отрывка многое запало Толкину в память. Такая же армия теней с охотничьими рогами, пение которых больше походит на эхо, следовала потом за Арагорном на пути от Тропы Мертвых(26); такое же “*dim blowing of horns*”^{*3} слышалось, когда мимо примолкших гномов, затерянных в Чернолесье (27) (“Хоббит”), проносилась большая охота; в “Хоббите” дан также образ яростного, гордого, импульсивного, высокородного эльфийского короля, который поначалу заключает Торина и гномов в темницу, но в конце концов отпускает с миром даже Бильбо.

Сильнее всего прочего, однако, эльфы ассоциируются с “глухоманью”, с безлюдными местами — эта идея была подсказана Толкину англосаксонскими сложными словами типа “лесной эльф”, “водяной эльф”, “морской эльф” и т.д., — а также с музыкой арфы, того самого инструмента, с помощью которого Сэр Орфео отвоевывает обратно свою жену. Толкин мог заметить особый смысл и в том, что в “Сэре Орфео” эльфы не только освобождают своего врага-арфиста из плена, но и награждают его, а в некоторых версиях “Вечной Битвы” гномий меч Даинслейф обрекает северного Орфея, Хьярранди, не просто на смерть, но на смерть вечно повторяющуюся. В этих деталях, в этом столкновении стилей сразу дан весь конфликт двух рас, темпераменты которых так разительно отличаются друг от друга. Чем дальше прослеживаешь долги Толкина по отношению к древним текстам и фрагментам, тем яснее становится, как легко ему было обнаружить под хаотическими развалинами старинной северной поэзии и смысл и последовательность — стоило только копнуть поглубже. Рассказывая о другом Зачарованном Лесе, в котором разумные люди не видят ничего особенного, Шекспир говорит (акт V, сцена 1):

“...в событиях этой ночи
Есть не одна игра воображенья.
Как странно изменились чувства их!
Мне кажется, что правда в этом есть.
Но все-таки как странно и чудесно!”(28)

Плодотворные анахронизмы

Точно так же “реконструировал” Толкин орков и варгов, а позже энтов и воосов^{*4}. Правда, к “хоббитам” ничто из вышесказанного не применимо. Если “слово придает аутентичность вещи”, то хоббиты не аутентичны, поскольку слово “хоббит” древним никак считаться не может. И действительно, история возникновения слова “хоббит”, по-видимому, вовсе лишена элемента “выдумки”: это слово родилось из чистого вдохновения, безо всякой примеси нарочитого изобретательства. Момент, когда это слово появилось на свет, был даже зафиксирован — сначала Толкином, а потом, с его слов, Хэмфри Карпентером: “Был летний день, он сидел у окна в своем кабинете на Нортгмур Роуд и тщательно проверял экзаменационные работы. Позже он вспоминал: “Кто-то из кандидатов милосердно оставил одну из страниц незаполненной (лучший подарок экзаменатору), и я написал на этой странице: “В земле была норка, а в норке жил хоббит”. Имена всегда тянут за собой истории. Со временем я подумал: а

не разузнать ли мне, кто такие хоббиты? Но это было только начало” (ХК, с. 172).

Этот случай представляет собой характернейший пример бессознательного творчества: скучная работа, особое состояние ума, сочетающее в себе поверхностную концентрацию и отсутствие глубинного интереса — и вдруг на фоне всего этого возникает внезапный повод ненадолго расслабиться, благодаря чему через неведомую нам преграду проникает некая весть... Это напоминает о внезапных озарениях, которые приходили иногда во сне ученым (как, например, сон химика Кекуле, который увидел во сне змею, заглагивающую собственный хвост, и открыл бензольное кольцо). Но событие это столь таинственно, имеет такой личный характер, что на вопрос о том, имеет ли оно какую-то связь с филологией, ответить непросто.

У самого Толкина не было на этот счет никакого мнения. В ответе интервьюеру “Обсервера” (20 февраля 1938г.) он говорит: “Я не помню ни откуда я взял имя героя, ни откуда взялся он сам”, - и с полной уверенностью отвергает предположение, что слово “хоббит” могло вспомниться ему из отчета о каких-то исследованиях в Африке, где вроде бы встречалось похожее слово, и который он, возможно, когда-то прочитал. или из какой-то сказки, на которую ссылается журналист. Толкин утверждает, что если и существовали у него какие-то предшественники, упоминавшие слово “хоббит”, то “их” хоббиты — это, скорее всего, случайные омофоны(29). Гораздо позже, в письме, которое, по-видимому, отправлено не было (П. сс.379-87), Толкин заметил, что, хотя ему свойственно запоминать и использовать случайно встреченные имена, для его произведений это имеет мало значения. Что характерно, 31 мая 1977г. ОСА на страницах “Таймс” объявил о том, что его сотрудникам удалось обнаружить искомый источник вдохновения Толкина: это, якобы, изданный в 1895г. неким Дж. Харди трактат под названием “The Denham Trakt” (т.2). В этом трактате есть такие слова: “вся земля была переполнена привидениями (*ghosts*), кикиморами (*boggles*), ... хоббитами (*hobbits*) и хобгоблинами”. Здесь действительно есть слово “хоббит”; однако упомянуто оно в ряду существв подчеркнуто бесплотных, которые вряд ли могли иметь что-нибудь общее с теми существами, которых создал Толкин — солидными, привязанными к земле и подчас довольно-таки дубоголовыми. Слова — это еще не вещи и исследователю вполне может показаться, что слово “хоббит” ведет в тупик.

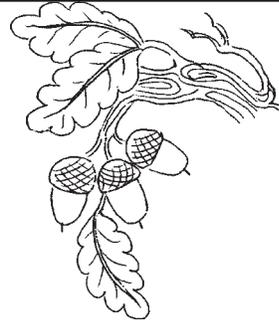
Но даже тупики иногда на что-то годятся (см. ниже, с.66). Например, данный конкретный тупик наводит сразу на несколько мыслей. Вот одна из них: хотя Толкин считал, что это слово пришло извне и не укоренено в древности, он тем не менее не успокоился, пока не выработал для него приемлемую этимологию. “В глубокой норе жил-был хоббит”. Всем известно, что именно этой фразой начинается повесть Толкина “Хоббит”. Откроем теперь последнюю страницу последнего приложения к “Властелину Колец”. Правда, начальная фраза “Хоббита” там не повторяется, зато нам предлагается прочесть замечания по поводу слова “хоббит”, где Толкин объясняет, что это слово якобы произошло из древнеанглийского **hol-bytla* — “в норе живущий”, или “норы строящий”. *Holbytla* — это “реконструированное” слово. Оно никогда нигде не было зафиксировано, но существовать в принципе могло, более того, вполне вероятно, что и правда существовало — как и реконструированное готское слово **dvaigrs*. Более того, толкиновская этимология превращает магическую фразу, продиктованную воображением, в тавтологию: “В земле была норка, а в норке жил норный житель...” А чего вы, собственно говоря, ожидали? Дело в том, что “вдохновение” — это подчас воспоминание о чем-то, что и правда могло существовать, и в любом случае подчинялось жестким правилам лингвистической истории; так, слово “*hobbit*” стояло бы в ряду таких слов, как “*dwarves*”, но ни в коем случае не таких, как “*elfin*”.

Один возможный источник Толкин все-таки признавал — роман Синклера Льюиса(30) под названием “Бэббит” (1922г.). В этом романе рассказывается о том, как довольный собой и жизнью американский бизнесмен обрел самого себя, но это обретение стоило ему положения в

обществе и выбило его из привычной колеи. Путешествие Бильбо и перемены, которые происходят с хоббитом за время этого путешествия, выдают некоторую связь с этим романом. А вот что Толкин отрицал категорически, так это связь слова “хоббит” со словом “кролик” (“*rabbit*”), между тем как многие критики находили возможным такую связь усмотреть. Толкин писал: “Когда тролль называет Бильбо — “кролик ты вонючий”, то это не более чем образец обычного вульгарного тролличания... так же, как словечко “крысенок” (так, впад в ярость, называет Бильбо Торин — М.К.), — образчик гномьего (*dwarfish* — sic! - Т.Ш.) дурного тона и гномьей же вредности” (“Обзервер”, 20 февраля 1938г.). “Уж конечно, кто-кто, а кролики здесь ни при чем!” — подтверждал Толкин и позже. Однако текст содержит свидетельства, которые говорят о противном, и не одним только троллям при виде Бильбо в голову приходят мысли о кроликах. В шестой главе “Хоббита”, наблюдая за орлом, который точит клюв, Бильбо и сам сравнивает себя с кроликом: “не употребят ли меня орлы на ужин вместо кролика?” — опасается он. Тремя страницами позже та же мысль приходит в голову и орлу: “Что ты трусишь? Не кролик ведь. Даже если ты и похож на кролика...” В главе XVI Торин трясет Бильбо, “как кролика”, а ранее Беорн — персонаж грубый и бесчувственный — тыча господина Бэггинса пальцем в жилет, замечает: “Кролик-то наш, похоже, отъелся!” В некотором смысле это — месть за оскорбление, которое чуть было не нанес Беорну Бильбо на с.125, когда заподозрил было, что способность Беорна “менять шкуру” означает, что он — “меховщик”, который “выдывает кошку под кролика, когда не получается под белку”. Однако множественность наименований дает новый ключ к тому, как в действительности развивались мысли Толкина начиная с 1915 года, когда в стихотворении “Поступь гоблинов” он употребил неологизм собственного изобретения — “*coney-rabbits*”.

“*Rabbit*” — слово особенное. ОСА не находит для него “бесспорной этимологии” и оказывается не в состоянии проследить его в английском языке до 1398 года. Со словом “*coney*” или “*cunny*” дело обстоит немногим лучше: оно восходит к 1302г., а “*bunny*”^{*5} обычно — беличьей кличка и до XVIII века не встречается. Слово “кролик” переводится на разные европейские языки по-разному (французское *lapin*, немецкое *kaninchen*), а древнеанглийского или древнескандинавского названия не существует(31). Это необычно. Например, английское слово “*hare*” — “заяц” — имеет древнеанглийский эквивалент (“*hare*”), по-немецки заяц — “*hase*”, по-древнескандинавски — “*heri*”, и так далее. То же самое со словами “хорек” (“*weasel*”), “выдра” (“*otter*”), “мышь” (“*mouse*”) или “барсук” (“*brock*”), да и большинством слов, обозначающих привычных млекопитающих, которые живут в Северной Европе. Причина того, что кролики стоят особняком, конечно, в том, что они — иммигранты: кролики появились в Англии только в тринадцатом столетии. Их импортировали и разводили ради меха. Часть их убежала на волю, как куницы или нутрии. *И им удалось ассимилироваться.* Для нас важно то, что, возможно, среди носителей английского языка и один человек из тысячи не осознает того факта, что слово “кролики” — “*rabbits*” — не имеет древнеанглийских корней! Хотя оно принципиально отличается от слова “мышь” (“*mouse*”, древнеанглийское “*mys*”) или “хорек” (“*weasel*”, древнеанглийское “*weselas*”), все англичане воспринимают его как родное, английское, исконное. Кроме того, кролики, наряду с мудрыми совами (древнеанглийское “*ulan*”) и хитрыми лисами (древнеанглийское “*fuhsas*”) завоевали себе прочное место в народном воображении, и сделать с этим ничего нельзя. Но если бы слово “*rabbit*” услышали древний англосакс или скандинав, оно показалось бы им необычным, а то и вовсе чудным. Случай с кроликами доказывает, что неологизмы могут быть не только искусственно введены в язык, но могут и враси в него как

органическая часть — конечно, лишь постольку, поскольку данный неологизм оказывает подобающее почтение глубинным структурам языка и мысли. “Если чужеземное слово случайно упадет в реку языка, — писал Якоб Гримм, — волны будут перекачивать его до тех пор, пока оно не окрасится в цвет этого языка и слово, вопреки своей иноземной сущности, не перестанет выглядеть чужеродным”(32).

Это сочетание — “анахронизм плюс привычность” — несомненно, имеет некоторое отношение и к хоббитам. Когда Бильбо Бэггинс впервые предстает перед нами крупным планом, он “стоит у входа в свою нору и посасывает длинную деревянную трубку”. Позже курение выступает уже не просто как характерный для хоббитов обычай, но поистине как их основная характеристика: “это единственный вид искусства, который мы с полным основанием можем объявить своим собственным изобретением” — пишет Мерри (“Властелин Колец”, кн. I, с. 28). Однако что именно курят хоббиты, что кладут они в свои трубки? “Курительное зелье”, или “лист”, уверенно говорится в “прологе” к “Властелину Колец”. Почему не сказать просто “табак” (“*tobacco*”) — ведь именно о табаке, по-видимому, идет здесь речь, и именно о нем говорится как о “разновидности растения *Nicotiana*”? А потому, что это слово прозвучало бы здесь неуместно. Оно заимствовано из некоего неизвестного языка Карибского ареала через посредство испанского, и достигло английского языка только после открытия Америки, примерно в XVI столетии. Больше всего оно напоминает слова “*potato*” (“картофель”) и “*tomato*” (“помидор”), тоже обозначающие новые в Европе растения, завезенные из дальних стран и принятые в Англии на ура; слова эти натурализовались очень быстро, но их чужеродность по-прежнему бросается в глаза, прежде всего благодаря их фонетической структуре. Слово сочетание “трубочное зелье” выдает желание Толкина во что бы то ни стало ввести в свой мир эту обычную примету английской современности, которая, как он знал, в древнем мире эльфов и троллей существовать никак не могла, и анахронизм которой, благодаря слову, звучащему так явно по-иностранным, как “табак” (“*tobacco*”), сразу бросился бы в глаза. На с. 11 “Хоббита” Бильбо еще использует слово “*tobacco*”, а немного позже в устах Гэндальфа звучит и слово “помидоры” — “*tomatoes*” — но только в первом издании! Впоследствии “холодный цыпленок с помидорчиками” уступает место “холодному цыпленку и маринованным огурчикам”(33), и, таким образом, иностранный овощ оказывается за бортом. “Картофель”, правда, остается, более того — это главная составляющая фирменного блюда Папаши Гэмги. Сын его, тем не менее, норовит ассимилировать слово и говорит не “*potatoes*”, а “*taters*” (в нашем переводе “клубни” — М.К., В.К.): это для английского уха несколько привычнее. В другом месте Толкин отмечает, что это слово было заимствовано разговорным валлийским из разговорного английского в форме “*tatws*” — так оно звучит гораздо более неразборчиво (“EW”, с. 34). Однако по большому счету сцена, в которой Сэм беседует с Голлумом про “клубни” — “*taters*” — представляет собой целый ворох анахронизмов (“Властелин Колец”, т. II, с. 363). Хоббиты здесь едят кроликов (Сэм называет их “*coney*s”), вздыхают по картошке (“клубням”, “*taters*”), и при этом табак (“курительное зелье”, “*pipeweed*”) у них весь вышел. Сэм предлагает Голлуму: давай, я приготовлю для тебя когда-нибудь кое-что получше — “жареную рыбу с картошкой”. Нет ничего более “английского”(34)! Но и ничего менее “древнеанглийского” тоже. Однако по отношению ко многим культурным границам хоббиты находятся по нашу сторону.

Итак, что касается связи хоббитов с кроликами, установить удастся следующее. Вполне понятно, почему Толкин отвергал столь очевидную связь между теми и другими: он не хотел, чтобы читатели представляли хоббитов как таких маленьких, пушистых, расплывчато-“славных” зверюшек (так

феи в поздних английских сказках — это обычно неопределенно-”хорошенькие” крошки). С другой стороны, как кролики обманом втерлись в теплую компанию лис, гусей и куриц, так и хоббиты незаконно затесались в ряд эльфов, гномов, орков и огров (“*ettens*”), лингвистически аутентичный, хотя и фантастический. Можно пойти еще дальше и предположить, что отсутствие слова “кролик” в древних легендах делает его не просто “реконструированным словом”, но “реконструированной вещью”, — не исключено ведь, что кролики всегда были под рукой, просто их никто не замечал. Это точно такая же “экологическая ниша”, как и та, что Толкин соорудил для хоббитов: “Народец они не очень приметный, хотя и весьма древний” (“Властелин Колец”, том I, кн. I, с. 18, курсив мой). Непохоже, чтобы такая роль была уготована им ДО появления знаменательной фразы, появившейся в результате озарения (“В земле была норка...” и так далее), непохоже и на то, чтобы этимология слова **holbytla* была Толкином выдумана заранее. Однако если оглянуться на эту фразу, то просто удивительно, с какой готовностью поддалась она дальнейшему развитию. Первая ее часть помогла хоббитам, с помощью формы **holbyttan*, бросить якорь в море истории и зацепиться там, а вторая дала характеристику “изнутри” толкиновской прозы через анахронизмы, связанные с “кроличьей” аналогией. Такая внутренняя сложность, казалось бы, простенькой фразы могла быть результатом предшествовавших ее появлению бессознательных размышлений или более поздних творческих поисков. Одним словом, как бы то ни было, хоббитам — и как слову, и как понятию — удалось обрести место одновременно и в древнеанглийском, и в современном английском языке. Снова “*grammar*”!

Разрыв связи

Эта преамбула облегчает нам следующую задачу — объяснить, чем именно занимался Толкин в “Хоббите”. Как до него Вальтер Скотт или Уильям Моррис(33), он ощущал опасное очарование архаического Севера, который, по осколкам и еле заметным следам, восстанавливало несколько поколений исследователей. Как и им, Толкину хотелось сочинить об этом мире что-то свое. Почему — понять нетрудно: потому, что в законченном виде подлинных легенд древнего Севера почти не сохранилось. “Беовульф” или “Сага о Короле Хейдрекке” могли стимулировать воображение, но не могли удовлетворить его. В результате Толкин, подделываясь в основном под скандинавскую “Старшую Эдду”, создал что-то вроде “реконструированного мира” северных сказаний. Имена гномов — Торина со товарищи — как и имя Гэндальфа, заимствованы из эддической песни “Пророчество Вельвы” (“*Voluspá*”), где приводится так называемый “Список Гномов” — “*Dvergatal*”(34). Этим отрывком сейчас занимаются мало, считая его ригмаром, то есть бессмысленным перечнем имен. Книга “Хоббит”, однако, призвана как бы намекнуть на то, что этот бессмысленный список на самом деле — последнее блеклое воспоминание о чем-то некогда важном и великом, о какой-то древнескандинавской “Одиссее” с участием гномов. И пейзаж, на фоне которого действуют Гэндальф, Торин и остальные, тоже эддический: “бездорожный Мирквуд”^{*6} упоминается во многих песнях Эдды, а “Туманные Горы” взяты из поэмы “Поездка Сигнира”. В этой поэме слуга Фрейра, посланный соблазнить дочку великана, мрачно говорит своему коню:

“Myrct er uti, mal qweð ec ocr fara
urig fioll yfir
þyrsa þjóð yfir;
baðir við kómmomc, eða ocr baða teccr
sai inn amatki iotunn.”

(“Снаружи мрак; наше дело — переехать через туманные горы, где живут племена орков (*þyrs* = орк, см. прим. к с. 60 выше); или мы оба вернемся живыми, или могучий великан возьмет

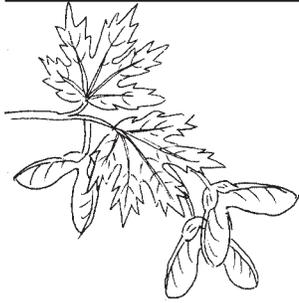
себе нас обоих”^{*7}).

В общем, Толкин попросту превратил эпитеты в топонимы, слова — в вещи, и больше ничего.

Однако если учитывать психологию современного читателя, сразу станет заметно, что воссозданию древнего мира героических легенд мешает одно важное препятствие — характеры героев. Наше время уже не приемлет героев и склонно смотреть на них скорее иронически. Например, современный взгляд на “Беовульфа” очень хорошо выражен в романе Дж.Гарднера “Грендель” (1971г.)(35). Толкин не хотел иронизировать над своими героями, но и пренебречь возможной реакцией современного читателя не мог. Выход из положения нашелся в лице Бильбо Бэггинса, хоббита, который представляет собой в мире героев чистый анахронизм и, по крайней мере вначале, играет ярко выраженную роль посредника между эпохами. Он воплощает и зачастую высказывает современные мнения; он страдает современными слабостями; его никогда не тянет отомстить; он не мыслит себя героем, не может “ухнуть два раза филином и один раз совой”, как предлагают ему гномы, почти ничего не знает о Дикоземье и не может даже освежевать кролика, поскольку привык полагаться в таких делах на мясника. Однако в древнем мире находится местечко и для него, и в тексте есть намек на то, что все его усилия (равно как и наши) не могут полностью отделить его от прошлого.

Итак, его зовут Бэггинс, и живет он в Бэг-Энде(36). Это название для Толкина имело личные, семейные ассоциации (ХК, с.176)(37). Кроме того, это дословный перевод таблички, которую и теперь еще часто можно увидеть в конце небольших английских дорог: “*Cul-de-sac*”. Эти “*Cul-de-sac*” одновременно смешны и способны довести до бешенства. Они не принадлежат ни одному языку, поскольку французы называют тупик “*impasse*”, а англичане — “*dead end*”. Это словечко — “*Cul-de-sac*” — порождено снобизмом, так как снобы минувших времен смутно чувствовали, что английские слова со времен Норманнского Завоевания звучат “как-то неблагозвучно” и что все французское или хотя бы офранцузенное — куда изящнее. В соответствии с этим надпись “*Cul-de-sac*” — это особо потешный образец того, как проявлялось иногда английское классовое чувство, а “Бэг-Энд”^{*8} — рассерженный отпор этому “образцу” со стороны истинного англичанина. Что касается господина Бэггинса то известно, что его главная слабость — попить чайку, каковой ритуал он совершает обычно каждый день ровно в четыре часа; однако ОСА указывает, что во многих сельских районах Англии любая неурочная еда, а в особенности чаепитие посреди дня, сопровождающееся “солидным угощением”, называется “*bagging*”. ОСА предпочитает более “культурную” форму — “*bagging*”(38), однако Толкин знал, что те, кто использовал такие слова, как правило опускали последнее -g (по крайней мере начиная с периода смешения, вызванного Завоеванием). Толкин наверняка обратил внимание на это слово, просматривая словарь У.Э.Хэйга “Глоссарий Хаддерсфильдского диалекта” (London, Oxford University Press), к которому в 1928г. написал одобрительное предисловие; здесь рассматриваемое слово дано в форме “*boeggin*”, “*boegginz*”. Итак, в начале “Хоббита” голова мистера Бэггинса, как и современное английское общество в понимании Толкина, набита всякой чепухой: хоббит гордится своей “прозаичностью”, смотрит на все необычное свысока и ведет себя по отношению к внешнему миру почти агрессивно, — точь-в-точь типичный представитель среднего класса. Он всячески старается доказать, что он уважаемее Тукков, хотя, по словам автора, не столько “богат”, сколько “зажиточен”. Если бы в его жизни не произошло изменений, Бильбо вполне мог бы уподобиться своим родственникам Саквилль-Бэггинсам — эти, конечно, демонстрируют полный разрыв с Бэг-Эндом тем, что называют его “*Cul-de-sac*” и добавили к своей фамилии французский суффикс “-вилль”! Однако сердце у Бильбо находится “там, где оно должно быть”(39) (опять-таки, как и у современного английского общества в понимании Толкина). Он любит цветы, он гордится своим предком Волынщиком. Может быть, определение “свирип как разъяренный дракон”(40) к нему не подходит, но он и не трус; в соответствии со своим именем, он щедр и основателен, хотя при этом, конечно же, простоват и старомоден.

Поэтому он не вполне еще лишился пропуска в древний мир, но в то же время может выступать и в качестве представителя нашей эпохи; он не претендует на героизм, но и циничная ирония ему не известна. Его можно назвать “*bourgeois*” (“буржуа”). Именно поэтому Гэндальф делает из него “грабителя” (“*burglar*”). Оба слова происходят из одного корня (“*burh*” — “город” или “дом со складом”), и, хотя по смыслу представляют собой вечные противоположности, это — противоположности одного уровня. Правда к концу “Хоббита” Грабитель Бильбо, постоянно отирающийся среди героев, “вырастает” настолько, что уже и сам может именоваться без пяти минут героем*⁹.

Первые главы “Хоббита” черпают энергию из того напряжения, которое возникает между древним и современным способами поведения персонажей. Вначале “Хоббит” вообще очень напоминает сатиру на современные жизненные установки, причем некоторые, самые острые, выпады носят чисто стилистический характер и кроются в языке, которым говорит Бильбо: чем более привычен этот язык для нас, тем более он, если разобраться, напоминает окаменелость. “Доброе утро” в устах Бильбо — это уже не просто пожелание, адресованное другому лицу. Точнее, иногда это и правда пожелание, но в других случаях — объективное утверждение, или субъективное утверждение, или все сразу, вместе взятое, а то и жест враждебности. “Сколько же у тебя этих твоих “Доброе утро”?” — усмехнулся Гэндальф. — На этот раз оно, видимо, значит, что тебе не терпится отделаться от меня и что это утро не будет добрым до тех пор, пока я не уберусь подальше”. “Что вы, что вы! Не в коем случае!” — означает у хоббита “вот именно”, “уважаемый” вообще ничего не означает, а когда Бильбо говорит “прошу прощения”, то уже не осознает, что чего-то просит и вовсе не считает, что “прощение” — вещь настолько ценная, чтобы о ней просить и ее добиваться. По сравнению с этим способом изъяснения принятые у гномов церемониальные приветствия — “К вашим услугам!”, “Покорный слуга ваш и всех ваших близких!”, “Да удлинится вечно его борода!”, “Да не выпадет никогда шерстка на его ногах!” — могут показаться чересчур помпезными, и при этом совсем необязательно произносить их искренне; но, по крайней мере, о чем-то здесь речь все-таки идет, это не просто семантические пустышки. Подобным же образом Бильбо, желая изъясняться по-деловому, прибегает к абстракциям — как будто лишь для того, чтобы дать рассказчику возможность выставить их напоказ:

“Кроме того, хотелось бы знать заранее, чем я, собственно, рискую, сколько получу на непредвиденные расходы и сколько это займет времени, а также, разумеется, размер вознаграждения”. — На самом деле все это означало: “Что я с этого буду иметь и каковы мои шансы остаться живым?”

Торин, при всей своей любви к длинным речам, говорит не о расчетах и прикидках, а о реальных вещах*¹⁰; гномья песня, которой открывается “слет” гостей Бильбо, говорит о туманных горах, холодных и суровых, об арфах, ожерельях, филигранных изделиях, о бледном, зачарованном, давно утерянном золоте. Не удивительно, что хоббит “проникается любовью к прекрасным вещам, созданным искусными руками и не без волшебства, — любовью сильной и ревностной, какая всегда жила в сердцах у гномов”. Итак, в первом столкновении “древности” и “современности” “древность” одерживает легкую победу — она кажется гораздо реальнее “современности”, в точном смысле слова “реальный” (от латинского “*res*” — “вещь”).

Но рассказчик зорко следит за равновесием. В отличие от “Властелина Колец”, его голос слышен в “Хоббите” весьма явственно. По этому поводу сказано было однажды, что тем самым рассказчик обеспечивает повествованию “очень твердые моральные рамки, соотносясь с

которыми, мы можем правильно судить о происходящем”(41): дескать, эльфы — хорошие, гоблины — плохие, а гномы, орлы, драконы, люди и Беорн каждый по-своему находятся где-то в промежутке между этими двумя абсолютными полюсами. Однако голос рассказчика не просто “устанавливает моральные рамки”, он выполняет еще одну, более интересную роль — опрокидывает читательские ожидания. Любимые словечки рассказчика — “конечно же” и “разумеется”. Однако за этими “конечно же” и “разумеется”, как правило, следует что-нибудь не объясненное или непредсказуемое, например: “...с драконами, конечно же, именно так и следует разговаривать”, или: “...разумеется, игра в загадки, вообще говоря, дело святое...”, или: “Поговаривали... что когда-то давным-давно кто-то из Тукков женился на фее. Разумеется, все это чепуха...” Иногда такие и подобные этим ремарки несут в себе какую-то информацию. Чаще, однако, они создают впечатление, что за пределами рассказываемой истории кроется еще много всякой всячины и что события развиваются в согласии с правилами, на которые текст только слегка намекает, от чего они не перестают быть правилами. Эпитеты типа “легендарная Белладонна Тукк” или “сам великий Торин Дубошит” создают иллюзию исторической глубины, а утверждения типа “Какой же паук не возмутится, когда его называют лупоглазым” — иллюзию глубины опыта. Обиходные замечания в адрес мифологических существ — типа “Кошельки-то у троллей очень вредные” — смазывают картину повседневности и сдвигают опыт обыденный в сторону опыта магического, а вопросы типа “Да и как прикажете себя вести, когда без всякого приглашения является к вам какой-то гном и вешает плащ у вас в прихожей?!” очень напоминают вопросы типа: “Вы уже перестали бить свою жену?” Возможно, ребенок может воспринять все это как своего рода спорт и получить от этого удовольствие; взрослый же, по мере вчитывания, постепенно оказывается во власти древнего принципа, который гласит, что истина — в избыточности: чем больше ненужных деталей, тем больше проза похожа на жизнь. Главное, однако, в том, что на рассказчика возложена миссия выразить его отношение к архаически-героическим декорациям: он говорит о них вскользь, как ни в чем не бывало, более того — совершенно равнодушным тоном, благодаря чему он успешно убаюкивает бдительность читателя. Рассказчик помогает пейзажу и персонажам героического мира, а также законам, по которым живет этот мир, преодолеть современные барьеры недоверия и даже — потенциально — презрения.

Как именно “работает” “Хоббит”, хорошо видно из сравнения главы второй — “Жареный барашек” — с народной сказкой из собрания братьев Гримм под названием “Храбрый портняжка”. Портной (это ремесло было в старину синонимом физической слабости, см. хотя бы у Шекспира в “Генрихе IV”, часть II,III)(42) убивает одним ударом семь мух, и это придает ему такой отваги, что он решает стать разбойником и победителем чудовищ. Он удачно блефует в состязании с великаном, и ему удается спугнуть целую банду этих созданий: “... У каждого из них в руке было по жареной овце, и они их с аппетитом уплетали”. Король посылает портняжку поймать для него нескольких великанов. Тот прячется за деревом и начинает бросать в великанов камни. Великаны, подозревая в этом друг друга, ссорятся и убивают друг друга. “Почувяв беду, они вырывали целые деревья из земли, чтобы защититься, — как ни в чем не бывало заявляет портняжка, показывая на тела великанов, — но им это мало помогло, раз явился такой, как я, что семерых одним махом побивает!” В начале своего приключения Бильбо представляет собой если не “маленького портняжку”, то что-то вроде “маленького бакалейщика”, однако в нем нет ни хитрости, ни ловкости, ни наглости гриммовского портняжки: всезнающий персонаж в современной повести недопустим, он сделал бы действие

невозможным. Наоборот, хоббит выступает как второе “я” читателя. Только стыд за свою трусость заставляет его согласиться на роль “профессионального грабителя” (как персонажа народной сказки из собрания Асбьорнсона и Моэ(43)), однако ему мешает полное незнание правил игры. Он ловится на “факте”, которого не мог предвидеть ни он, ни читатели, — оказывается, кошельки троллей умеют разговаривать! — а спасают его два других “факта”: способность волшебников к чревовещанию, а также то обстоятельство, что “...тролли, как, впрочем, вы, наверное и сами знаете, должны с рассветом прятаться под землю — иначе они превратятся в камни, из которых были созданы, и это уже навсегда”.

Это последний решающий удар в толкиновской борьбе против “реализма”. Обо всех этих “общеизвестных истинах” никто не знает; более того, никакие это не истины, а самая настоящая ложь. В традиционном повествовании такая бесстыдная эксплуатация зазора между миром рассказчика и миром его слушателей никому не сошла бы с рук, и прежде всего потому, что, конечно, этого зазора просто не было бы! Но в “Хоббите” объединенное невежество Бильбо и читателей перевешивается непоколебимой уверенностью и осведомленностью выступающих общим фронтом Гэндальфа, рассказчика, троллей и гномов. Между прочим, поверье о том, что тролли должны непременно убраться под землю до рассвета, чтобы не превратиться в камень, так же традиционно, как и сама вера в троллей и гномов. Это поверье восходит к “Старшей Эдде”. В конце “Песни Альвиса” (“Alvissmal”) Тор, надеясь избавиться от подземного великана Альвиса, отвлекает его разговорами, чтобы тот засиделся и не заметил, как взойдет солнце; в итоге зазевавшийся Альвис превращается в камень^{*11}. В отношении слов, рас, персонажей и событий книга “Хоббит” очень изобретательна. Но ее основной отличительный признак не в этом. Главное в том, что, читая ее, постоянно ощущаешь: все, о чем идет речь, приходит в текст откуда-то извне и, неподвластное даже автору, само собой образует *Zusammenhang* (нем.) — взаимозависимость, не менее прочную, чем та, что существует в окружающей нас действительности, и, между прочим, ничуть не более иррациональную.

Примечания Хемфри Карпентера и Марии Каменкович:

^{*1} То есть сглаз. — М.К.

^{*2} Таких аллюзий слишком много, чтобы мы могли перечислить все; можно, например, отметить, что стрелковое искусство толкиновских эльфов восходит к идиоме “эльфийский выстрел”; что отношения эльфов с морем, а также то, что они пригласили Фродо с собой на корабль, приводит на память историю смерти Артура в изложении Лайамона (вустерширского поэта двенадцатого столетия, которого Толкин считал последним хранителем древнеанглийской традиции) — но только в этом изложении; дары Галадриэли напоминают об английских и скандинавских семейных преданиях, таких, как “Счастье Эденхолла” или, например, предание, которое изложено в шестой главе второй части второго тома романа Сигрид Унсет “Кристин, дочь Лавранса”(18). С одной стороны, “эльфийскость” — это качество, которое во “Властелине Колец” лишь несколько раз употребляется по отношению к мертвым, а, с другой стороны, поэт Чосер смело приписывал его себе сам. Но чем Толкин вообще не воспользовался, так это весьма распространенным мотивом “эльфа-подкидыша”. — Т.Ш.

^{*3} “Дальнее пение рогов”. — М.К.

^{*4} Слово “орк” происходит от двух древнеанглийских слов — “*orkneas*” (это слово встречается в “Беовульфе” и означает “трупы или тела демонов”) и “*orkpyrs*” — “оркигиганты” (мифологическое племя демонов-великанов). Слово “варг” — от слияния древнескандинавского “волк” (“*vargr*”) и древнеанглийского “отверженный” (“*wearh*”): эти два слова демонстрируют, как слово “волк”, благодаря сдвигу в значении, стало означать

“человек-отщепенец”. Об энтах будет говориться немного ниже, на с.119. “Воосы” (“*woses*”) были первоначально введены для оправдания 721-ой строки поэмы “Сэр Гавэйн и Зеленый Рыцарь”, где употреблено слово “*wodwos*”, причем автор подает его как форму множественного числа, хотя исторически это как раз форма единственного числа, производная от древнеанглийского “*wudu-wasa*”. От Толкина, кстати, никак не мог ускользнуть тот факт, что его кабинет в Лидском университете, как и мой впоследствии, находился в двух шагах ходьбы от улицы под названием *Woodhouse Lane*, которую в свою очередь пересекают улицы *Woodhouse Moor* и *Woodhouse Ridge*. За маской ошибочного современного написания эти названия, возможно, хранят старую веру в диких лесных людей, которые, не исключено, таились некогда в холмах над Эйром. См. далее замечание Толкина по поводу слов “орки” и “воосы” в “Руководстве для переводчиков”— Т.Ш.

*5 Так называет Бильбо Беорн. — М.К.

*6 В нашем переводе Чернолесье. — М.К.

*7 В переводе А.Корсуна:

“Сумрак настал,
Нам ехать пора
По влажным нагорьям
К племени турсов...”

*8 Дословный перевод французского названия на английский. Буквально означает “конец мешка” — М.К.

*9 Происхождение имени “Бильбо” мне не известно. Однако как-то раз, рассматривая подробную военную карту южного Хердфоршира (№ 161) с целью найти на ней церкви времен “*Ancrene Wisse*” и сохранившиеся фрагменты каменных строений раннего англоскандинавского стиля, я случайно скользнул взглядом по карте к западу, по направлению от Килпека к Уормбриджу и аббатству Доур, и наткнулся на холм под названием “Большой Бильбо”. Составители справочника английских топонимов, который в настоящее время издается, еще не добрались до Хердфоршира, так что я не располагаю никакими объяснениями; возможно, у Толкина имелось собственное. — Т.Ш.

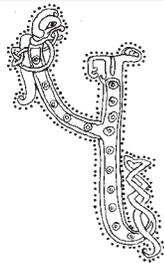
*10 Контракт, который он в итоге оставляет Бильбо (с.35), составлен, что характерно, практичнее, чем мог бы это сделать Бильбо даже в самом деловом расположении духа. Он затрагивает выгоду, доставку, дорожные расходы и, помимо всего этого, еще и расходы похоронные — гномы предлагают оплатить похороны “за счет наших правопреемников, по мере необходимости”, что значит — “ты или все мы можем погибнуть, а также быть съеденными”

*11 В гриммовской сказке под №195 (“Могильный Холм”) есть еще одна слабая аналогия(44), а у К.С.Льюиса в романе “Мерзейшая мощь” (Лондон, 1945г.) в конце 16 главы еще одна, немного более отчетливая(45)Здесь, однако, схожей истории придается нравственное значение, — чем-то похожее на объяснения, которые дает Толкин ходу “эльфийского времени” в Лотлориэне (46)

Продолжение следует...

Н.Семенова

то ловит Эомер?

Пolemические заметки, вызванные чтением “Битвы на Пеленнорских полях” в переводе К.Кинн (опубликовано на “Арде”) с привлечением ряда других источников.

В главе “The Battle of the Pelennor Fields” есть один отрывок, обращающий на себя внимание. Этот отрывок не содержит устаревшей лексики или сложных грамматических форм. Его нетрудно перевести при помощи самого небольшого англо-русского словаря. И все же, он невероятным образом оказывается по-разному интерпретирован в разных переводах.

Вот оригинал: “And then wonder took him, and a great joy; and he cast his sword up in the sunlight and sang as he caught it” [LOTR, 881]. Речь здесь идет об Эомере, который видит на приближающемся корабле эмблемы Гондора и Эллендила.

Теперь обратимся к переводам. Их удобнее разбить на 2 группы.

“Не прерывая песни, он повернул меч так, что его лезвие засверкало на солнце” [В.А.М., III, 134]

“высоко подбросил меч, блеснувший на солнце; поймал его и запел” [В.Муравьев, III, 132]

“Он поднял меч высоко над головой – и запел. Лезвие ослепительно засверкало на солнце” [М.Каменкович, III, 161].

“он высоко подбросил сверкнувший на солнце меч, поймал его за рукоять и запел” [В.Волковский, В.Воседой, III, 199]

“он воздел свой меч навстречу солнцу и запел” [К.Кинн “Битва на Пеленнорских полях”. Опубликовано на “Арде-на-куличках”]

“он высоко подбросил меч, поймал его и запел” [З.Бобырь, 394]; [Н.Григорьева, В.Грушецкий, III, 121]

Так как же все-таки было на самом деле? Подбрасывал или не подбрасывал Эомер меч? Попробуем в этом разобраться.

Итак, “he cast his sword up”. Выражение *cast up* имеет значения “извергать, выбрасывать” и “вскидывать (глаза, голову)”. С большой натяжкой можно предположить, что Эомер “воздел” меч (но уж никак не “поднял” или “повернул”), хотя, по контексту, это выражение следует переводить как *cast + up*, то есть глагол *cast* в его прямом значении, с указанием на направление движения – *up*. “Бросать, швырять, кидать” + “вверх”. Это тем более логично, что одной строкой выше Эомер уже поднял свой меч, и продолжает стоять с поднятым мечом. Вот как звучит этот отрывок в оригинале:

“And lo! even as he laughed at despair he looked out again on the black ships, and he **lifted up his sword** to defy them. And then wonder took him, and a great joy; and he **cast his sword up** in the sunlight and sang as he caught it”.

Из трех переводов, помещенных в левой колонке, только один сохраняет логику оригинала: у Валерии Маториной (В.А.М.) Эомер сначала поднимает меч, потом поворачивает его. В переводах Марии Каменкович и Кэтрин Кинн логика изложения нарушена. Там Эомер дважды подряд поднимает свой меч.

Каменкович “Смеясь над отчаянием, он **поднял** меч и повернулся лицом к черным кораблям. И тут в его сердце хлынула радость. Он **поднял** меч высоко над головой - и запел”

Кинн “И се! - рассмеявшись в отчаянии, вновь взглянул он на черные корабли, и

поднял меч, бросая им вызов. И тут удивление овладело им и великая радость, и он **воздел** свой меч навстречу солнцу и запел”

Глаголы *lift* и *cast*, которые не являются синонимами в английском языке, М.Каменкович переводит одним словом, а К.Кинн заменяет русскими глаголами-синонимами *поднял* и *воздел*. При этом обе переводчицы не обращают никакого внимания на очевидное нарушение логической последовательности действий героя.

Итак, с большой натяжкой можно допустить (как акт творческого самовыражения переводчицы), что Эомер “воздел” меч. Варианты “поднял” и “повернул”, – как мы убедились, оказываются вообще за периферией лексического значения *cast* и *cast up*.

Но Эомер этим не ограничился. Он “sang as he caught it”. *Sang* – пел. *Caught* – форма прошедшего времени (past, past perfect) от глагола *catch* “поймать, схватить”. Есть еще значения “зацепить”, “поддеть, провести, поймать в ловушку”, “попасть, ударить”. Однако никаких следов этого *чего-бы-он-там-ни-делал* мы не находим в переводах Маториной, Каменкович и Кинн. Про солнце говорится, про то, что пел, говорится, но дальше?... Что же ловит Эомер? Оказывается... ничего.

Но почему, почему? Тайна, покрытая мраком.

Рискну приподнять завесу тайны на свой страх и риск. Осмелюсь высказать предположение, отчего ничего так и не ловит Эомер.

Если бы в данном отрывке речь шла не о мече, а, напрмер, о мяче, или любом другом безобидном предмете, едва ли нашим господам-переводчицам пришло в голову усомниться в прямом значении такого простого до банальности выражения “he cast his ball up in the sunlight and sang as he caught it”: “под ярким солнышком подбросил мячик, и запел, поймав его”. Проблема, как мне кажется, заключается именно в этом – в мече. Сомнения в том, что можно подбросить и поймать меч, заставили переводчиц искать другой смысл фразы.

Как может звучать в этом случае аргументация подобной трактовки? Для примера мне понадобится ввести в полемику Предполагаемого Оппонента:

Оппонент: — Отчего же, Эомер ловит! Ловит солнечный свет. “И он запел, поймав его”. На лезвии меча, конечно.

Автор статьи: — Может, тогда и местоимение *he* в отрывке “as he caught it”, относится к мечу, а местоимение *it* – к *sunlight*, солнечному свету? То есть, Эомер запел, когда ОН (меч) поймал ЕГО (солнечный свет)?

Оппонент: — Почему бы и нет? В эпосе меч очень часто наделяется чертами одушевленного существа. У меча Эомера есть собственное имя. Ничего удивительного, что про него говорится “he”.

Быть может, именно этим подходом руководствовались переводчицы? Чем подтвердить подобное предположение? В двух переводах из трех, рассматриваемых нами, имеются добавления, подтверждающие эту гипотезу:

В.А.М. Каменкович	лезвие засверкало на солнце Лезвие ослепительно засверкало на солнце
----------------------	---

Похоже, что “*лезвие засверкало*” – действительно перевод *he caught it*. Однако, не странно ли, что в одном таком коротком предложении ПЕРВОЕ местоимение *he* относится к Эомеру, а ВТОРОЕ *he* без объяснения причин – к Его Мечу. Это тем менее вероятно, что в предыдущем предложении все *he, him* относились к Эомеру. Да и в последующем предложении “And all eyes followed his gaze...” (подстрочник: “и все взоры последовали за его пристальным взглядом”), *his gaze* относится именно к Эомеру, а не к мечу, т.к. меч (даже самый прославленный) “пристально глядеть” не может.

Как же вышли из положения переводчицы? Вот два перевода данного предложения, окончательно проливающие свет на то, как трактуется авторский текст:

В.А.М.	Все глаза повернулись туда, куда показал меч вождя
Каменкович	[Лезвие ослепительно засверкало на солнце,] и все головы повернулись на блеск

Итак, мы видим, что Маторина и Каменкович ЗАМЕНЯЮТ *he* – Эомер на *he* – меч, а глаголы

caught и *gaze*, в оригинале – действия Эомера, на *состояния предмета* – его меча: *засверкало, показал, блеск*. Нам представляется, что данный “перевод” слишком уж вольный. Это следовало бы считать “собственным вариантом” текста, а не его переводом.

В данном пункте перевод К.Кинн отличается в лучшую сторону: “И все взгляды устремились туда, куда он смотрел”. То есть, *he* оригинала – всегда Эомер, а не его меч. Однако слова “*as he caught it*” просто пропущены при переводе.

Здесь можно отметить, что в целом перевод К.Кинн выполнен вполне добросовестно, чего никак нельзя сказать о переводе В.Маториной (В.А.М.). Некоторые похожие ошибки и искажения в переводе Маториной уже рассматривались в моей статье «“Властелин Колец” в зеркале русских переводов». М.Каменкович, которая, по собственному признанию, пользовалась переводом Маториной в качестве подстрочника, по всей видимости, просто скопировала ее ошибку. Однако, только ли об ошибке можно тут говорить? До появления перевода К.Кинн, я пребывала в полной уверенности, что переводчики просто допустили ошибку. Но мнение Кинн – переводчика, в компетенции которого у меня нет оснований сомневаться – заставило меня взяться за исследование. Как было показано выше, в переводах Каменкович и Маториной исправления были внесены не в ОДНО предложение, а в ДВА. И во втором случае говорить о простой грамматической ошибке невозможно.

Проведенные филологические изыскания имели еще один результат – был “найден” прецедент подобного “феномена” – подбрасывания меча. В главе из “Неоконченных сказаний” (“Unfinished Tales”) – “Кирион и Эорл” (“Cirion and Eorl”) есть почти слово в слово совпадающий фрагмент:

“Then he drew his sword and cast it up shining in the sun, and catching it again he stepped forward and laid the blade upon the mound, but with his hand still about the hilts”.

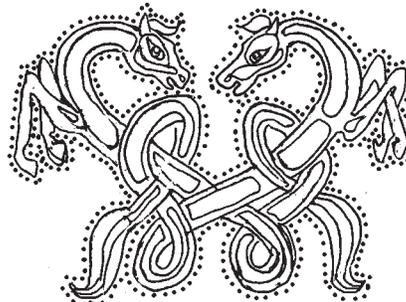
Только в данном отрывке меч подбрасывает не Эомер, а Эорл. Перевод этой главы также опубликован на “Арде” (в том же разделе, что и перевод “Битвы...” К.Кинн), и данное место там переведено так:

“Затем, обнажив свой меч, он подбросил его, и клинок сверкнул на солнце, и, поймав его, шагнул вперед и положил клинок на курган, не опустив, однако, рукояти” (перевод Эйлиан).

Здесь можно добавить только то, что наречие *again* из приведенного отрывка грамматически связывает два глагола (*cast up* и *catching*) как противоположнонаправленные действия двух частей сложного предложения (*cast up – catching again*). Иными словами, то, что было *cast up* и *shining*, было и *catching*. Все эти три сказуемых связаны с одним подлежащим – мечом. Грамматика английского языка не позволяет представить дело так, чтобы *cast up* и *shining* относились к мечу, а *catching* – к солнцу (солнечному свету). Этому препятствует, как уже говорилось, наречие *again*, которое в переводе Эйлиан отсутствует. Эту английскую грамматическую конструкцию очень редко передают дословно, т.к. она является избыточной в русском тексте (ср. подзаголовков “Хоббита”: “There and back again”/“Туда и вновь обратно”/“Туда и обратно”). Однако, повторю, оригинал не дает возможности трактовать текст иначе, чем у Эйлиан.

Подведем итоги. Из трех рассмотренных переводов, два (Маториной и Каменкович) отдают предпочтение своеобразной, отличающейся от авторской и несколько нелогичной, трактовке (фактически – замене) исходного текста. Один из переводов (Кинн) игнорирует фрагмент авторского текста как таковой. В результате при чтении русских переводов Толкина мы имеем 2 различных трактовки одного и того же события, что вызывает у читателя резонный вопрос (не возникающий при чтении оригинала): все-таки, подбрасывал Эомер меч, или нет? Вопрос этот не праздный. Помимо того, что Эомер демонстрирует свое великолепное воинское искусство в миг охватившей его радости, что соответствует характеру и нраву молодого короля, он, несомненно, продолжает традицию боевого мастерства рыцарей Дома Эорла.

Только ли одно плохое знание английского языка является причиной того, что в трех переводах Эомер был лишен возможности показать свое блестящее владение оружием? Едва ли. Последовательные замены в текстах Маториной и Каменкович, скорее всего, явились следствием недоверия к описываемому факту – подбрасыванию меча. Недостаточное знание источников явилось вторым фактором, определившим выбор в пользу неверного перевода.

← EOMER →